

Роман Булгар

**ПИР
ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ**

Роман Булгар

Пир во время чумы

«Издательские решения»

Булгар Р.

Пир во время чумы / Р. Булгар — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834347-6

Украина семимильными шагами идет к Майдану. Люди и не подозревают, что они являются невольными участниками навязанного им извне процесса. Старший следователь военной прокуратуры и подполковник-десантник вступают в ожесточенную схватку с преступной организацией, занимающейся крупными хищениями со складов с боеприпасами воинских частей. В ходе проведения тщательно разработанной операции все пошло не по плану. И слабая женщина осталась одна на один с десятком боевиков...

ISBN 978-5-44-834347-6

© Булгар Р.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая. Попутчики	6
I	6
II	20
III	33
IV	41
V	58
VI	73
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Пир во время чумы

Роман Булгар

© Роман Булгар, 2016

ISBN 978-5-4483-4347-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая. Попутчики

I

Сов секретно. Экз.: единств.
Военному Прокурору
Юго-Западного
оперативного направления

Шифrogramма №0011/17/...

...за истекший календарный год участились случаи возгораний на складах с военно-техническим имуществом, на продовольственных и вещевых складах и, что должно в особенной степени настораживать надзорные органы, на складах с артиллерийскими боеприпасами...

ГРУ МО России конфиденциально довело до нашего сведения:

...Имеются неопровержимые факты того, что на Северокавказском театре военных действий в ходе боев с незаконными вооруженными бандформированиями захвачены ПЗРК «Стрела-2М», иное вооружение, вплоть до начала 1992 года достоверно принадлежавшее войсковым частям и соединениям Одесского военного округа...

...Министр обороны поставил задачу провести негласную проверку всех воинских частей на предмет возможности хищений с целью сбыта и с последующим поджогом объектов для сокрытия недостачи...

...Настоятельно требую принять безотлагательные меры по выявлению всех имевших быть место случаев и по предотвращению умышленных поджогов военно-технического и иного имущества и всех причин, способствующих данным преступным действиям...

Главный Военный Прокурор...

Солнечные лучики тепло осветили фасад небольшого, но весьма красивого старинного здания по улице Короленко, что в самом центре южного припортового города. Крайне заинтригованные, космические шалуны задержались на совместном совещании военной прокуратуры Юго-Западного оперативного направления и Одесского военного гарнизона. Несущие свет и тепло лучи скользнули по стене. Они наткнулись на державный трезубец и с удивлением обнаружили под ним неловко и спешно покрашенный герб СССР, который был нанесен на двуглавого орла – символ российского самодержавия.

Внеземные пришельцы высветили густую паутину трещин, хищно оккупировавших давно не беленый потолок, поблекшую и местами постыдно облезшую позолоту, не выдержавшую пытку забвением, ибо у новых хозяев, видно, средств на поддержание свалившегося им на их плечи наследства, увы, не находилось. Зато слов они не жалели!

Третий час в тесном зале разговор шел ни о чем и вокруг да около. И вот прорвало. Строгая на вид девушка в жутко идущей ей военной форме напрягла свои слуховые аппараты, чтоб ненароком не пропустить кое-что особо важное, разумеется, в части ее персоны касающееся.

– ...Капитану Полищуку поручается негласная проверка частей 1-ой аэромобильной дивизии, расквартированной в Болграде. А Аккерманом займется майор Щеглов. Шабо и Веселый Кут возьмет на себя старший лейтенант Бойко...

С их безмерно затянувшегося совещания Оксана вышла, нервно покусывая свою нижнюю губу. Застаревшая привычка выдавала в ней сильнейшее волнение и плохо скрываемое недовольство. Еще бы!

Не сказала бы она вслух, что ей досталась самая из последних дыр, но дальше у них просто ехать некуда. Пронырливому майору Щеглову – общепризнанному любимчику начальника отдела опять повезло.

Электричка в Аккерман каждые три-четыре часа ходит, а то бывает, что и чаще свистит. Два часа езды, и тот уже дома. А ей?! Пять-шесть часов тряски в автобусе! Ужас! А ежели ехать кружным путем через тот же самый Аккерман, то и все восемь-девять часиков пилить.

Полный отстой, если посмотреть на дело с одной лишь стороны. Но и с другой стороны, черт их побери, тоже вовсе не цветочки, так как в Аккермане из военных частей, можно сказать, что совсем ничего и нет.

А в Болграде по кругу выходит две полноценные бригады, штаб и управление дивизии, россыпью части и подразделения обеспечения. В военных городках находится большинство дивизионных складов.

Вывод: не повезло ей. Кинули только что ее, бедную, как самую последнюю дурочку, бросили молодую девчонку с гранатой под танк.

Работы ей, бедной, досталось непочатый край. Хоть копай, хоть не копай, но до самого дна при всем желании ей не дорыть. И хоть бы яка умная мыслишка для затравки ее прекрасную головку посетила бы!

Так нет же! Попытались все где-то. И с чего ей начать? С какого ей драного края за рытье сортира взяться? Ну же, Сана, думай, думай!

Хотя, что тут ей еще думать? Надо ей брать билет на ночной поезд и ехать. А на месте, может быть, война сама план и покажет.

И погода выдалась под стать ее жутко паршивому настроению. Серо-грязные, лохматые тучи низко нависали над головой. Казалось, что они касались своими рваными краями крыш домов, неторопливо плыли подгоняемые коварным северо-западным ветром. На глазах энта хмарь расплывалась, меняла свои причудливые очертания, превращаясь в уродливых чудовищ. Тучи собирались с силами, густели, темнели, готовились засыпать землю крупными, тяжелыми хлопьями.

Под ногами пренеприятно чавкала кашка, которую, к большому стыду для их города, не успевали убирать и с центральных улиц.

Девушка специально посмотрела влево, на Дерибасовскую. Ан нет, там все-таки успели как-то, вымели. Накрасили губы красавице...

– Оксана, постой-ка, не беги, – окликнул Сану знакомый голос зама начальника 2-го следственного отдела подполковника Ковальчука. – Успеешь еще, Ксана, добраться до своей чертовой Тмутаракани.

– Да, вам бы все шуточки, Алексей Петрович, а мне вот, знаете, как-то вовсе и не смешно, – Сана кинула на подполковника взгляд, полный откровенного недоумения и жгучей обиды. – Не знаю, как вы тишком решали, но мне, – девушка захлопала длинными и пушистыми ресничками, – что-то ничуть не улыбается полученная мною задача.

– Знаешь, Оксана, – Ковальчук дотронулся до ее руки, – я до конца был против того, чтобы именно ты ехала туда, да вот твой начальник почему-то особо на этом настаивал. Может, ты, девушка, случайно где-то, кому-то, когда-то дорогу черной кошкой перешла? Ну-ка, вспомни, есть у нас этакий грешок за душой?

Неприятно-язвительная улыбочка тенью скользнула по красиво очерченным девичьим губкам, они негодуя раскрылись:

– По рукам я ему как-то стукнула, когда он, будто случайно, провел ладонью, скажем так, не совсем в том месте.

На лице зама вмиг проявилась крайняя заинтересованность:

– А он что?

– А он, зараза, ехидно улыбнулся и кинул мне вдогонку, что, мол, зря я так с ним, зря... – прямо отвечая на не совсем скромный вопрос, девушка грустно вздохнула и тряхнула коротенькими серо-пепельными косичками. – Ты, говорит: «...еще попомнишь...»

– Так и сказал, старый хрен?

– Так и сказал, зараза плешивая. Вот и аукнулся мне тот случай. И что нынче-то делать, Алексей Петрович? – Сана с надеждой посмотрела на подполковника, слывшего в их управлении за большого умницу, способного при желании найти выход из любого положения.

– А ты, Ксанка, не отчаивайся, – широкая мужская ладонь мягко накрыла узкую девичью кисть. – Проверка у нас, как ты сама слышала, негласная. Оно, понятное дельце, создает определенные трудности. Но, с другой стороны, оно и открывает неограниченные возможности.

– И какие же? Может, поделитесь со мной своими соображениями, Алексей Петрович? – Сана кокетливо стрельнула глазками.

А что ей еще оставалось делать, если в ее бедовую головушку не приходило ни одной умной мыслишки, кроме одной-единственной...

– А ты, капитан, прояви-ка свою находчивость, найди творческий подход к этому делу, – Ковальчук хитровато прищурился.

Его безошибочный нюх прожженного ловеласа подсказывал ему, что одна милая девушка находится в растерянности и готова пойти на многое, лишь бы выпутаться из создавшейся ситуации, выйти из нее с честью, пусть даже и путем потери ее определенной части. И грех было бы не воспользоваться идущим прямо в руки нечаянным случаем.

– Ты же, Ксана, у нас такая умничка! – мягко глядя свою очередную жертву по шерстке, он слегка подсластил полученную капитаном горькую пиллюлю. – Назло всем вывернись, яви свои таланты...

В проникновенно-отеческом тоне подполковника явно слышалось, что чаяния Оксаны небезосновательны и зыблются не на одном песочке.

– Что-то, Алексей Петрович, у меня в настоящий момент с этими вопросами туговато, – посетовала Сана в надежде на то, что, может, ей что-то и подскажут, на порядок ускорят ее мыслительный процесс.

– Ксана, ты от чашечки кофе не откажешься?

Заманчивое предложение подполковника явно что-то за собой таило, и она, не раздумывая, с ходу проглотила брошенную ей наживку:

– Я не откажусь, ежели вы, Алексей Петрович, вкратце набросаете мне всю мою дальнейшую перспективу... в целом и в частностях...

– А как ты думаешь, девушка, – снисходительная и торжествующая улыбка засветилась и тут же подавленная погасла на мужских губах, – зачем я тебя за столик приглашаю?

– Так я это... не против... я это... с удовольствием...

Сверх всех его ожиданий легко заручившись согласием, Ковальчук подхватил Оксану под ручку, резко свернул в сторону. Сделал мужик пару шагов и картинным жестом открыл дверь в полуподвальный зал.

– Заходи, Ксана. Проходи, девушка, гостем будешь...

В темноватой забегаловке капитан Полищук еще никогда не была, и она с интересом оглядывалась по сторонам. Будто бы они, как в сказке, очутились в другом времени, попали в другое измерение.

Пользуясь моментом, Ковальчук почти неприкрыто разглядывал сидевшую перед ним девушку. В очередной раз подполковник для себя отметил то, как Оксана умело применяла косметику, практически даже невидимыми мужскому взгляду штрихами выгодно подчеркивая свои незаурядные природные данные. В отличие от большинства сотрудниц их достопо-

чтенного учреждения девушка не накладывала на дивные свои реснички тонны черной туши, не мазала она густыми пятнами под глазами разноцветные тени – боевую окраску зрелой девицы, вышедшей на охотничью тропу в поисках подходящего мужика.

Ни капельки не сомневался Ковальчук в том, что при рождении эту девушку природа щедро одарила особой и притягательной красотой.

И он никогда не причислял Оксану к сонму фарфоровых красоток с броско правильными кукольными личиками, ничего не выражающими особо, кроме своего собственного самолюбования.

При внимательном взгляде красота Саны завораживала, опутывала колдовскими чарами. Выразительные глаза Оксаны запросто могли бы погубить не одного мужика, в их озерах можно было тонуть.

И если добавить ко всему умопомрачительно стройные ножки да тонкую талию, да высокую и тугую грудь, да лебединый изгиб шеи, да грациозную посадку головы – в общем, прямая погибель для мужика...

– А знаешь ли, Ксанка, почему наше милое заведение называется «Антилопа-Гну»? – хитровато прищурившись, спросил Ковальчук.

– Нет, – Оксана отрицательно махнула головой, даже не обратив своего внимания на всю выпирающую наружу простоту вопроса.

Всем своим видом она будто говорила, мол, нашли, кого и о чем спросить. В эту минуту ей было вовсе не до этого ребуса.

Хотя, даже и не зная, следовало бы легко догадаться. Кто же в славном их городе не знает про известную всем и каждому историю?

– А ты про Ильфа с Петровым когда-нибудь слышала?

Теребя своими пальчиками, в общем-то, далеко не первой свежести салфетку, капитан машинально переспросила:

– Это вы что, про улицу на поселке Таирова?

Приподнявшиеся брови подполковника отразили всю крайнюю степень его неподдельного изумления:

– Ксанка, да что это творится сегодня с тобой? Я же про тех двоих, что «Золотого теленка» в четыре руки накропали.

– И что? – наивно и простодушно хлопнули пушистые реснички.

И точно, как подумалось мужчине, с соображением у девушки дело выходило явно туговато. Выдержав паузу, он спросил:

– Разве ты до сих пор не знала, что именно в этом подвальчике Великий Комбинатор открыл свою контору «Рога и копыта»?

– Ах, вот вы все про что, – Полищук пренебрежительно пожала плечами. – Вы тут еще расскажите мне про то, что Ильф и Петров жили в доме напротив и оттуда воочию увидели Остапа Бендера. Слышала я эти байки. Имелся в моей прошлой жизни один мерзкий тип...

В серо-зеленых, с едва уловимым голубоватым оттенком, девичьих глазах прорезалась застарелая боль. Сана глубоко вздохнула:

– Тоже мне все про это сказки разные рассказывал. И так хорошо ведь, так сладко у него, подлеца, все тогда получалось. Сказки все это, Алексей Петрович. Красивые, конечно, но все-таки сказки...

– Ты, Ксанка, тут не права. Было именно так, – мужчина легонько накрыл ее тонкие пальчики своей ладонью, и она вздрогнула. – Кстати, Ксанка, ты у нас... что кончала? Как ты попала в нашу контору? К нам людей с улицы не берут. Или по благу суют, или еще за яки заслуги.

Чем-то скользким повеяло от вопроса, и неприятный холодок вдруг пробежал между девичьими лопатками, заставил Сану поежиться.

– А то вы, будто, Алексей Петрович, – покусывая губки, она кинула на собеседника подозрительный взгляд, – этого не знаете?

Понимала капитан, что неспроста поинтересовался подполковник. Но не могла она постичь, что у него на уме, зачем он затеял расспрос, видит же, что ей элементарно не до экскурсии в ее личное дело.

– Знал бы я, Ксана, то не спрашивал бы. Рыться в чужих личных делах, как делают некоторые из наших начальников, такой привычки не имею. И к досужим вымыслам, бродящим по нашим коридорам, особо никогда не прислушиваюсь. Поделись жизненным опытом...

Придав своему личику всю возможную естественность, капитан непринужденно и доверчиво моргнула:

– Университет я местный с красным дипломом окончила. Оно и сыграло свою решающую роль. Ну и вдобавок еще кое-что....

– Да? – Ковальчук располагающе и ободряюще улыбнулся. – Оно нам уже кое-что объясняет. А в него, в универ, как мы попали?

– Школу я с медалью окончила. Сдала в универ на «отлично» один экзамен, и зачислили. Повезло мне...

Сана моргнула. Подфартило ей сильно. Приехать из села и сразу поступить. Да еще и в университет. Да еще и на этакий факультет.

– Понятно-понятно. Все ты, Ксана, все своим трудом вытягиваешь. Покровителей у нас в конторе, вестимо, не имеешь. Выходит, что зря, напрасно, Ксана, ты дала по рукам своему начальнику... – напустив на себя деланно строгий вид, Ковальчук, пытливо прищутив левый глаз, укоризненно покачивал головой, вводя Сану в краску.

– И что же, мне надо было позволить, чтобы он меня лапал своими потными похотливыми ручищами? – тихо буркнула она и брезгливо передернулась. – Скажете тоже, Алексей Петрович. По этому поводу я думала немного иначе. И от вас, простите, услышать не ожидала...

– Не видать тебе, девушка, майорской звездочки, – будто не слушая ее, продолжил подполковник. – Съест же паук тебя живьем, – нагнетая обстановку, он сгущал тучи вокруг ее бедовой головушки.

Давя в своей груди тяжелый вздох, Полищук стиснула кулачки. Выдержав томительную паузу, Ковальчук изрек:

– Гибче тебе надо было с пауком себя вести. Он намеренно тебя туда кинул, чтобы обломать тебя, чтобы знала свое место и не рыпалась.

– И что мне теперь делать? – совсем обескураженная спросила Оксана, прочувствовав всю гибельность своего положения.

– Ты пей кофе-то, а то остынет, – поняв, что добился желаемого, мужчина резко переменил тему, ловко уходя от ее вопроса. – Как кофе?

– Ничего кофе, – Оксана пожалала плечами. – Сойдет за неимением лучшего. Только, сдастся мне, что в него что-то добавили.

– Ты так думаешь? – подполковник с серьезным видом понюхал свою чашку. – Наверное, наш бармен, шельмец, капнул туда чего-то по своему недосмотру и бессовестно промолчал.

Девичья ладошка изящно колыхнулась, максимально приближая к органу обоняния чудный аромат дымящегося напитка.

– Коньяк, к примеру, – Оксана усмехнулась и качнула головой.

Словно не веря ей, и Ковальчук принялся, пожал плечами:

– Вполне возможно. Но так, по-моему, даже лучше. А тебе?

– Ну, мне тоже нравится, если, конечно, не баловаться постоянно, – уклончиво и с намеком на некие обстоятельства ответила капитан.

Но Ковальчук пропустил мимо уха ее замечание, зато вкрадчивым голосом, придав ему таинственность, поинтересовался:

– Ксана, а ты чего у нас до сих пор еще не замужем ходишь?

Понимая, что вопросик непростой, что таит множество подводных камней, Оксана не столько уклончиво, сколь загадочно улыбнулась:

– Понимаете, все никак не могу встретить того человека, на кого придется мне смотреть всю оставшуюся жизнь и не испытывать при этом порой довольно острых приступов тошнотворного отвращения...

Казалось, глаза ее весело смеялись, но в глубине их притаился все тот же самый неразрешимый вопрос. Прищурившись, Сана намекнула:

– Алексей Петрович, кажется, вы хотели мне что-то сказать...

И снова мужчина, дразня и томя, непринужденно отмахнулся:

– Успеем, Ксанка. Когда мне выпадет такая возможность посидеть в обществе обворожительно прелестной девушки.

Разочарованно вздохнув, капитан непонимающе взмахнула вверх красиво изогнутыми ресничками:

– Вы мне льстите. Зачем?

– Нисколько, Ксана. Сущая правда. Ты не хочешь связывать себя узами Гименея? И правильно делаешь. При нашей профессии супруг – лишь досадная помеха. Нет его и нет извечных вопросов: почему, с кем, когда и до каких пор?..

От ничего не значащих слов зам незаметно перешел к тому, что принялся ловко опутывать ее сетью своей паутины. Но, делая вид, что еще не вникла в суть его тонкой игры, она решила немного подыграть:

– Вы... куда все клоните, Алексей Петрович?

– Да ты же, девушка, и сама все прекрасно понимаешь. Сейчас свобода – самое главное твое преимущество. Делай, что хочется, дружи, с кем хочется, гуляй, когда и сколько тебе захочется.

– Вы так считаете? – Оксана чуть наклонила голову вправо.

– Просто ты этого никак не ощущаешь потому, как пока не знаешь, каково, когда дома тебя ждет постоянно одно и то же. День за днем...

Видя тень раздумий, легших на девичье личико, он предложил:

– Может, осилим еще по одной чашечке? И мороженое к нему?

У мужчины уже почти не оставалось сомнений в том, что дело его «на мази» и, в конце концов, его затея выгорит.

– Ну, ежели к нему добавить и мороженое, – Оксана с легкостью уговорила саму себя, – то тогда... не откажусь...

Внутри поднималось расслабляющее тепло. Она все ждала, когда же подполковник соизволит приступить к серьезному разговору.

Прихлебывая мелкими глоточками довольно ароматный напиток, еще больше пахнущий коньячком, Оксана внимательно, не отводя глаз, смотрела на разглагольствующего Ковальчука.

Ждала она от него обещанной им помощи, но тот явно протягивать ей руку не торопился, тонко ведя хитрую игру, направленную на...

Впрочем, именно в этом или насчет этого самого Оксана не питала никаких иллюзий. Девушка давно догадывалась, куда клонит зам, плетя кружевную паутину, и внутренне на все заранее согласилась.

Если речь его шла не о том, к чему был весь разговор о ее личной свободе? Если уж и придется ей все-таки запрыгнуть в его койку, то почему бы не совместить приятное с полезным? Она свободна и вправе сама выбирать, с кем ей ложиться в постель, а с кем – ни за что...

Конечно же, кто с этим-то спорит, в ее жизни мелькали мужчины. Что ж, на одного станет больше. Какая разница в итоге?

К тому же, следует ей самой себе признаться, и сам Ковальчук – не самый, на ее предвзятый взгляд, последний экземпляр своей породы.

– Алексей Петрович, вы что-то хотели мне сказать, – чуть ли не взмолилась девушка, не выдержав затянувшейся томительной паузы.

– Ксанка, может, мы зайдем ко мне домой?

– Куда? – ее лицо удивленно вытянулось.

– Ко мне домой. В тиши обо всем обстоятельно поговорим...

Девушка, не сдерживая эмоций, многозначительно хмыкнула. Вот и все. Подполковник раскрыл перед ней все или почти что все свои карты.

Легко и просто. А куда же еще ему тянуть? Не до утра же торчать и дуть кофе с коньяком, закусывая его мороженым.

– Не... – длинно потянула она. – Мы так с вами не договаривались, – девушка сузила свои глазки и укоризненно покачала головой.

В ответ подполковник многозначительно повел глазами:

– Шумно тут страшно, Ксана. Длинные уши кругом...

– Очень убедительный довод, – Оксана усмехнулась. – Зачем же, Алексей Петрович, вообще надо было сюда заходить?

Повез бы мужик, вертелось на ее язычке, бабу сразу к себе. Уйму времени ухлопали, не считая денег на кофе с коньком и мороженым.

– Не мог же я, – хмыкнул подполковник, – сразу предложить тебе, чтобы поехать ко мне. Как бы ты на меня посмотрела, а?

Капитан пожала плечами. Какая разница, как она посмотрела бы. Намного важнее, как на это посмотрит кое-кто другой, к примеру...

– А что скажет ваша жена? – лукаво прищурившись, спросила у зама Оксана, обладая мужчину изучающим взглядом.

– Она сейчас в Арабских Эмиратах, на курорте.

– Складно все у вас получается, – девушка тяжело вздохнула. – А не получится ли так, Алексей Петрович, что мне потом вдруг придется выскакивать на ваш балкон нагишом? Не май месяц, однако...

Девичьи незамысловатые с виду и бесхитростные уловки лишь еще сильнее разжигали мужское нетерпение.

– Нет, не придется. Ксана, ты точно хочешь, чтобы я тебе помог?

Сана ловко смахнула с лица усмешку. Вот и самый главный козырь в их игре кинут на стол. Дашь на дашь. А не дашь, то и не получишь...

– Алексей Петрович, да вы просто... – талантливо играя, несколько растерянно пролепетала она, – вы не оставляете мне выбора.

– Выбор, Ксана, он есть всегда. И все зависит от того, какой путь ты выбираешь. А мы с тобой зайдем-то ко мне всего-то на минутку...

– На минутку? – изумленно и недоверчиво сверкнули ее очи.

Как же, поверила она ему! На нейтральной площадке умудрился он больше получаса ей мозги пудрить, а попади она к нему в лапы...

– Дома у меня, Ксана, знаешь ли, где-то номерок одного жутко тебе нужного человечка записан. И адресок домашний нацарапан...

Из девичьей груди вырвался вздох. Ох, уж эти мужчины. Чтобы к себе затянуть, на какие только уловки не идут. Адресочек у него дома валяется. «Да у вас, Алексей Петрович, – подумала Сана, – память, как у компьютера. Сроду вы записными книжками не пользовались...»

– Тут всего-то два шага пройти...

– Алексей Петрович... – Оксана укоризненно качнула головой.

Знает туго, стремглав в уме пронеслось, свое дело коварный змей-искуситель, владеет тонким искусством оболыщения в совершенстве.

– Умеете вы, Алексей Петрович, бедных девушек уговаривать.

Галантный кавалер стоял уже сбоку и протягивал руку:

– Пойдем, Ксана, времени у тебя осталось не так много...

– Что вы говорите?! – с толикой иронии протянула девушка.

Поднимаясь со стула, она покачивала головой. Вовремя замечено, черт! Чего ж они, спрашивается, прорву времени потеряли на пустые разговоры? Следовало сразу брать быка за рога и тащить девку в свою постель. Нет, они, вишь, столь грубо не могут. Воспитание не позволяет им. Надо им сначала почву подготовить, прощупать, чтоб не нарваться на вящую неприятность, не получить по мордасам. Как горе-начальник ее. Похотливый скот больше надеялся на свое служебное положение. А Ковальчук так не может. Стелет он помягче. Не самая плохая черта.

Совсем неплохо устроился подполковник. В самом центре города. Вокруг, как сладко-сладко, упорно добиваясь своего, напевал когда-то ей один мерзкий тип, каждый камень дышит вековой историей.

Просторная трехкомнатная квартира. И высоченные потолки! Хату эту можно смело поделить по высоте и второй уровень устроить.

Интересно, как у других людей получается эдак классно, да и не то совсем слово, устроиться в жизни? У нее самой, кроме комнатухи в общежитии, нет ничего. И не предвидится. Ни в ближайшем обозримом будущем, ни в дальнейшей невидимой и неоглядной перспективе.

– И как тебе мое скромное жилище? – протянул гостеприимный хозяин, извлекая из встроенного бара коньяк и две пузатые рюмки.

– У меня, Алексей Петрович, нет слов! Честно, – Оксана не стала скрывать от мужика своего восхищения. – Скажите, как вам удалось? Или большой секрет? Ах да! Вы, наверное, берете взятки, – изуверски кольнула она, сделав сам по себе напрашивающийся вывод, очень тонко мстя ему за свой вынужденный приход в чужую квартиру. – У людей несчастье и горе, а вы с них ловко денежки тянете...

Видно, бесенок в ней проснулся. Захотелось ей, чтоб и мужик тоже на какое-то время почувствовал себя неловко.

– Бог с тобой, Ксанка! Что ты тут, девушка, болтаешь! – мужчина замахал на нее руками, покрываясь неровными красными пятнами.

– Нет, не берете? – изумленные глазки простодушно моргнули.

После всех ее слов Сана выглядела, как сама святая невинность.

– Ксанка, о чем ты говоришь? Ты что, забыла, кто у меня тесть?

– Сам-то? – испуганно моргая ресничками, капитан благоговейно подняла глаза к потолку, где, верно, надеялась обнаружить сановного тестя или, на крайний случай, его парадный портрет.

– Он самый, – Ковальчук закивал головой.

– Ну, знамо, у него не все чисто с его совестью, – насладившись сполна смущением подполковника, уже несколько помягче, сбавляя тон, заметила она. – Но оно вас уже как-то, вроде бы, и не касается.

– Ну, Ксана! – переводя дух, тяжело выдохнул подполковник.

Признаться самому себе, такого напора он от нее никак не ожидал. Но это только еще больше раззадорило его, укрепило его желание.

– Ладно-ладно... – пренебрежительная ладошка замелькала перед его озадаченными глазами. – Чего уж там, оставим совесть вашего тестя в покое. А вот вода горячая у вас в кране, к примеру, имеется?

– Спрашиваешь! – звонко отдалось гордостью в ответе хозяина. – В центре, чай, не где-то на Выселках как-никак мы живем.

– Как хорошо! – девичьи глазки затянулись дымчатой поволокой.

– Ксана, может, мы перейдем на «ты»? – зам прищурился.

После этакой прелюдии, показалось ему, что в самый уж раз.

– Можно и на «ты», – она усмехнулась. – Мы-то в своей массе люди негордые, к простому обращению привыкли. Оно нам больше нравится и сподручнее. Леша, если ты не против, то приму я ванну? Понимаешь ли, – Оксана мило, извиняясь за себя и за свое поведение, улыбнулась, – у нас в общежитии третий год горячей воды нет. Сейчас вот, как тут дохнет на тебя устоявшимся ароматом, что и смотреть на меня ты не захочешь. И не расскажешь мне про свою тайну, не выдашь мне своего человечка.

– Ну, Ксана! – он только покачивал головой. – Я и не знал, что ты можешь быть такой.

Откидывая пальчиками непослушную прядь, она прищурилась:

– Это еще какой?

– А такой, что палец в рот не суй! Цапнешь, откусишь по самый локоть и фамилии при этом не спросишь.

– И не надо его засовывать. У него и так полно всякой работы, – она вложила в последнюю фразу столько смысла и значения, что мужчина почувствовал, как по его жилам погнало жаркую кровь.

Соблазнительная вакханка, делая вид, что вокруг нее никого нет, без всякого стеснения скинула деловой жакет, грациозно извиваясь, легко освободилась от узкой и довольно короткой юбки, расстегнула пуговицы на блузке, пошла-пошла павой, оставив мужчину мучительно догадываться о том, что именно ему так и не показали.

Набрав полную ванну, Оксана с наслаждением вступила в воду и с головой ушла под нее, оставив на поверхности лишь свой гордый носик и прелестный ротик. Горячая жидкость приятно обволакивала. Вода расслабляла, притупляла все остальные чувства, отогнала на дальний план все тревоги и заботы. Вот так бы тут, если бы это было возможно, взять и пролежать ей, подумалось Сане, поплававком целую вечность.

Так нет же. Не дадут. Придут, все испортят. Вынырнула она, остро почувствовав на себе нагло сверлящий взгляд. Открыла Сана глаза.

Ковальчук, широко, да так, что дальше уже и некуда, раскрыв свои бесстыдные зенки, пялился на нее, держа в руке полотенце и халат.

– Леша, мы с тобой так не договаривались, – чуть прищурившись, произнесла Сана, но ничто не шелохнулось в ней, чтобы прикрыться.

Разве она не знала заранее, что именно этим все и закончится? Было бы даже удивительно, если бы мужик не притащился поглазеть.

– Нет, Ксанка, мы договаривались! – донеслось до нее.

Теперь зам стал полным хозяином положения и мог диктовать ей свои условия. Но для вида она поборется, попортит ему кровушки:

– Это чё еще... это когда же мы энто успели? – удерживая в себе приступы поистине безудержного смеха, она заставила себя сделать до крайности удивленное и столь же непомерно возмущенное лицо.

– В тот самый момент, когда ты сама согласилась пойти со мной.

– Нет-нет, Леша, нет, нет и нет! – Оксана отрицательно покачала пальчиком. – Ты пригласил меня всего на одну минутку. И все...

– И что теперь? – подполковник начинал потихоньку терять всякое терпение в ходе бесполезной риторики, его глаза наполнились решимостью. – Вытащу тебя силой. Будешь кричать, сопротивляться?

– Зачем? – девушка хлопнула непонимающими глазками.

Ее немного простодушная и, скорее всего, озорная улыбка сводила мужика с ума, волновала его кровь, будила неумемное желание.

– Если уж изнасилования нам, девушкам, так и эдак не избежать, то лучше расслабиться, – Сана моргнула, – и постараться получить, хоть толику, удовольствия. Хоть какая-нибудь, а польза от всего капнет...

Опытные мужские руки скользили по женскому телу, заставляли его мелко вздрагивать, вытягиваться стрункой. Бесстыдно забирались они повсюду, не оставляли без внимания ни один клочок прекрасного творения природы. Соски Саны, чувственно набухшие от томительного, вытягивающего все внутренности желания, чутко реагировали на все прикосновения к ним, вырывая из уст женщины страстные вздохи, а низ живота сам, сам шел навстречу тому, что надвигалось на нее.

– Ах! Ах!..

– Ксанка! – шумно выдохнул он, приходя в себя после взрывного потрясения, что поразило его своей небывалой силой. – Ты прелесть, ты создана для любви. Ты и твоё божественное тело, вы созданы для того, чтобы дарить наслаждение партнеру и самим получать его. Я бы, не раздумывая, предложил бы тебе стать моей женой, но, увы...

Женская ладошка понимающе прикрыла мужские губы:

– Будет тебе, Леша. У нас, как говорят, извечная история. Любят одних баб, спят со вторыми, а женятся совсем на других, на тех, что с квартирами. А у меня квартиры нет, и отца со связями тоже нет...

– Ох, и язва же ты, Ксанка! – огорченно выдохнул Ковальчук. – Ох, и повезет же кому-то в кавычках. Ох, и намучается же он с тобой!

Усмешка появилась и, тая, пропала на чуточку припухших губах:

– Помнится мне, ты только что совсем другое мне напевал. Недолго продлилась любовь. Ну, раз наша с вами, Алексей Петрович, любовь так быстро испарилась, то давайте уж, мы перейдем, наконец, к делу.

– Что ж, к делу, так к делу, – подполковник усмехнулся. – Только ты, Ксана, изволь, оденься. Иначе я не смогу. Попытки искушением – не мой стиль. Боюсь, что я долго не выдержу.

– Вы, Алексей Петрович, – расцвела плутовка, – отвернитесь чуть в сторонку и начинайте. Не волнуйтесь, я запомню. Со слуховой памятью у меня, как, впрочем, и с некоторыми другими... пока все в порядке.

Повернувшись к стене, Ковальчук ищуще поймал ее отражение в огромном, во весь человеческий рост, зеркале, усмехнулся:

– Значится, поехали мы. Запоминай. Тебе, Ксана, в первую очередь, надо бы составить общий список и схему расположения всех складов. Определить примерный круг всех должностных лиц, по тем или иным причинам или же в силу самого своего служебного положения могущих иметь отношение к возможным хищениям.

– И как же я, интересно, это сделаю? – повернувшись к Ковальчуку одним лицом, Оксана застыла с не застегнутым кружевным лифчиком в руках, красиво изогнутая спина выдавала ее заинтересованное волнение. – Или я, Алексей Петрович, темной ночью, как партизанка, все вывески подряд вычитывать буду? Или же, на мое счастье, для меня специально экскурсию устроят? Как же, разбежались, спешат и спотыкаются! Если вся наша проверка негласная, то я же им свои документы предъявить не смогу! И меня и близко никуда не пустят!

Согласный с ее неоспоримыми доводами, мужчина поморщился, картинно отмахиваясь от густого потока праведного возмущения:

– Ксана, подожди ты, не тарыхти! Я же тебя именно для этого и позвал... Чтобы в деталях обрисовать картину, так сказать.

– Вот тебе и раз! – обнаженные плечики на мгновение застыли, убийственно выпятив тугие комочки нежной плоти. – Приехали! Вот оно как, оказывается! А я-то думала, что совсем для другого позвали...

Ловко справившись с застежками, девушка неторопливо взяла в руки черные кружевные трусики, не сомневаясь, что мужик пристально наблюдает за нею, наклонилась, неспешно надела.

– Только мы с вами, Алексей Петрович, с ним уже вполне успешно справились. Вы сами отметили, что классно одни оттянулись...

Выпрямившись, Сана томно потянулась, изящно провела узкими ладошками по своему ладному телу и неспешно накинула блузку.

– Вот и все, можете поворачиваться и больше не делать вид, что вы ничего не видите в том зеркале. Не помню уже кто, но кто-то учил меня, что если я вижу где-то чьи-то глаза, то и они, в свою очередь, прекрасно лицезрят меня. Поворачивайтесь же, я больше не кусаюсь.

– Язва ты, Ксанка! Ох, и язва же ты! Если ты все столь неадекватно воспринимаешь, то зачем ты, скажи, ко мне по свистку прискакала?

– Может, мне, Алексей Петрович, самой хотелось... – подтверждая свои слова, Сана мило и открыто улыбнулась.

– И к чему твои колкости? – на его удивленно вытянувшимся лице появилось обиженное, как у избалованных детей, выражение лица.

– Вы не обижайтесь. Я больше сама на себя злюсь за то, что слабой оказалась на поверку. И отказать сразу не смогла по причине самого обыкновенного человеческого желания услышать от вас нечто для себя полезное и умненькое. И от большого желания по-человечески принять горячую ванну. И вспомнить то, как оно бывает, когда тебя настоящий мужик тискает. И на одно мгновение бабой себя почувствовать...

– Ну и как оно? Вспомнила? – мужчина хищно прищурился и весь вытянулся в ожидании ответа.

– Вспомнила, Алексей Петрович, – просто ответила она и прямо посмотрела на него, убрав со своих глаз все защитные пленки.

– И как? – по одной лишь инерции спросил мужик, хотя все уже прекрасно вычитал в ее благодарном взоре.

– Сойдет для неизбалованных. Вполне на уровне...

– Ну, спасибо тебе на добром слове...

Их потеплевшие взгляды снова встретились, и вдруг открывшееся ему сильно потрясло его, приведя в полное изумление:

– Знаешь, Ксана, а я только сейчас разобрал твои глаза. Я не видел еще их такими! Какие они у тебя!.. – зам замолк на полуслове.

Не стал он уточнять, что они потрясные! Огромные и бездонные, зовущие и волнующие. Искренние и теплые...

– И какие же они? – несколько скептически хмыкнула Оксана, хотя не раз уже слышала от других о магической силе своих глаз, да пользы ей от этого пока никакой не капнуло, одни пустые слова.

– В них запросто можно утонуть...

Если, осталось за скобками, ненароком перейти опасную черту.

– Ох, и сведешь же ты как-нибудь кого-нибудь ими с ума.

По крайней мере, кажется, с ним это уже приключилось.

– Ни к чему мне, Алексей Петрович, сводить кого-то с ума. Убейте, не знаю, что с ними случилось, – она смущенно улыбнулась и снова по-особому посмотрела на него. – Вы, наверное, так действуете на меня.

– Так это я, выходит, растопил в них лед?!

Неслышно ступая, Ковальчук подошел к ней, взял ее лицо в свои ладони, и девушка закрыла глаза, потянулась к нему губами...

Неожиданный их поцелуй затянулся. Ее руки обвились вокруг его шеи. Еще чуть-чуть, еще немного захотелось продлить ощущение того, что она до сих пор еще остро переживала внутри себя. И совсем уж неожиданно вырвалось нечто похожее на признание:

– Да-да, Алексей Петрович, именно вы. Рядом с вами я теряюсь, перестаю быть сама собой и уже не знаю, как вести себя. Опасный вы человек. Я уже жалею о том, что согласилась пойти с вами. Или вы хотите, чтобы я именно вас и свела бы с ума? Хотите? А как же нам быть с вашей женой, со всем этим? После развода, как я понимаю, все это: хата, обстановка и прочее вряд ли останется вам.

Поражаясь ее неженской проницательности, он тяжело вздохнул:

– Уж точно. Ладно, Ксана, шутки в сторону. Я тебе говорил, и на самом деле есть у меня в той дивизии знакомый человечек.

– Так-так, уже теплее, – Оксана оживилась, нутром почуяв, что они, наконец-то, подошли к самому главному, ради чего она, по правде, и согласилась на свой приход. – И кто он там? Кем пашет?

– Начальник отдела кадров дивизии. Подполковник Пичугин. Я ему позвоню, и он нужную тебе справку тишком соорудит...

Раскрыв свой рабочий блокнот, Ковальчук размашистым почерком накидывал план первоочередных мероприятий:

– Схему расположения всех объектов ты, Ксана, составишь сама на месте. Продумаешь во всех деталях свой план оперативно-розыскных мероприятий. Приложишь его к своему отчету. Думаю, что этого тебе на первые ближайшие дни с головой хватит. Так что, за первую неделю своей работы ты сможешь смело отчитаться. А там уже мы посмотрим по обстановке. Может, мы еще что нестандартное придумаем...

– Ой, спасибочко, Леша! У меня на сердце, как отлегло...

Заметив, что в девичьих глазах проскользнули веселые искорки, исчезла напряженность и лицо ее засветилось, Ковальчук улыбнулся. Ох, и до чего же она хороша! А глаза, глаза! С ума можно сойти!

– Ксана, ты сама присмотришься на месте. Может, у них кто и живет не совсем по средствам.

– Как вы вот, например, – лукавая улыбочка нисколько не портила девушку, напротив, лишь органично добавляла шарма.

– Ну, Ксана, ты просто неисправима! – воскликнул мужчина.

Не удержавшись, он нажал на кнопку ее гордого носика.

– Давай, мы пока оставим мою скромную персону в стороне. Итак, дорогие «иномарки». Может быть, найдутся и клиенты, что швыряют деньги направо и налево. Но учти, что многие из них могли вывезти свои машины из Германии во время вывода войск.

– Опять двадцать пять, – Оксана забавно всплеснула руками. – Что мне... у них техпаспорта проверять? Кто их мне даст посмотреть?

– Нет, конечно же. Но проверить и узнать истину тоже довольно просто. Пичугин сам отметит, кто из заинтересовавших тебя лиц служил за бугром. Что, Ксана, ты уже не жалеешь о том, что зашла?

Хитрый вопрос задали ей, с подвохом, но он не застал ее врасплох.

– Нет, Алексей Петрович, уже не жалею. Да и не собиралась этого делать. Одна горячая ванна чего только стоит. А кофе с коньяком и мороженым, – загибая свои пальчики, задорно перечисляла дива все полученные выгоды от посещения квартиры подполковника. – А чего стоит одно общение с вами. Если бы у меня был такой начальник, как вы... – она мечтательно закатила глазки, ибо столько проблем решилось бы само по себе, да эдакое, увы, невозможно.

– Да, Ксана, – мужчина задумчиво провел рукой по щеке, а в глазах у него забегали бесовские огоньки, – забыл сказать про одну вещь...

– Важную? – Полищук вся в ожидании вытянулась.

– Ну, тебе уж решать. Приказ по конторе уже подписан...

– Какой еще приказ? – прерывая мучительно затянувшуюся паузу, свистящим голосом спросила-протянула Оксана.

– Через неделю ты переходишь в наш отдел.

– Это что, правда, Алексей Петрович? – она бросилась ему на шею, повисла, восторженно-горячий поцелуй ожег его щеку.

Глаза у нее загорелись, было, радостным огнем, но ненадолго, тут же потухли, руки сами по себе разжались и опустились.

– Выходит, что я теперь должна буду вот это... самое... – наклонив голову вниз, прошептала она с тоскующей обреченностью.

Одно дело, надавило на нее тяжким гнетом, когда по взаимному желанию, и совсем другое, когда оно по принуждению. Вот тоска!

– Ничего это, девушка, еще не значит, – Ковальчук пожал плечами, пытаясь внушить ей то, во что сам-то особо не верил, а потому вышло у него бездарно и неуклюже, и вовсе неубедительно.

Ласкающий и обволакивающий взгляд его глаз говорил совсем о другом, и его чувственное влечение не стало для нее откровением.

– А как же еще? – недоуменным взглядом она быстро прошлась по разобранной широкой постели, помня про то, как искусно заманивали ее в эту мягкую, притягательную и удобную ловушку.

– Вот о том, – зам собрался, лицо его приняло строго серьезное выражение, – что между нами сегодня было, ты забудь. Думаешь, что я способен домогаться женщины, используя свое служебное положение?

Девушка задумчиво моргнула, шевельнула губками. Вот этому она могла поверить. У Ковальчука имелось достаточно иных достоинств, чтобы затащить в постель понравившихся ему девок.

– А я... я и не знаю, что мне думать, – выдохнула она и растерянно захлопала ресничками, растягивая губки в беззащитной улыбке. – Ты мог бы сказать мне чуть раньше. Так вышло бы намного честнее...

– Ксана, – мужчина имел на этот счет иное мнение, – я ничего тебе специально заранее не сказал о твоём переходе, чтобы ты не подумала, что я давя на тебя как будущий твой начальник...

И тут капитан изумленно моргнула. Ах, ее решили испытать, чтобы быть в ней до конца уверенной, чтоб знать, будет ли она спать с ним не только по долгу службы, но и по...

– А если бы я не согласилась? – кусая губки, спросила Оксана, мягко отталкиваясь кулачками от его широкой груди.

Хотелось ей знать, что могло ожидать ее. И Ковальчук чуть опоздал с его проверкой, раньше следовало ему ее устроить, пока приказ еще не подписали. Нашелся бы еще один рычажок для тонкого шантажа.

– Я даже не знаю, как поступил бы тогда, но вредить тебе никогда не собирался. Да, у меня была мечта заглянуть поближе в твои глаза, распустить твои тугие косы, почувствовать твоё божественное тело в своих руках, попытаться вырвать из твоих нежных уст благодарный стон. Мечта осуществилась. Хорошего помаленьку. Может, поступил я и не совсем честно по отношению к тебе. Ты уж извини меня, Ксана, но желание оказалось выше моих сил. Пойми меня и прости...

– Все вы, мужики, одним миром мазаны, – она, покачав головой, хмыкнула. – Ничто вас не останавливает, пока не добьетесь цели...

Понимая, что говорит сущую ерунду, и лишь из одного желания хоть как-то, но оправдать себя, Ковальчук невнятно буркнул:

– Но я тебя, Ксана, силком не тащил.

Язвительная улыбочка пробежалась по ее раскрывшимся губам:

– Не тащили, это факт...

Оксана фыркнула. Она сама пошла в кафе, пила кофе с коньячком, потом потащилась к нему на квартиру, прыгнула в его постель.

II

Как всегда, пассажирский поезд №192 «Одесса – Измаил» стоял на дальней платформе. Состав небольшой, всего-то восемь вагончиков.

Поезд ночной, и в пути он проводит меньше десяти часов. Маршрут следования проходит по самым глухим местам. Отсюда и отношение к ночному рейсу. Подвижной состав был не самый новый, не раз и не два прошедший через капремонт. Многие вагоны следовало отправить на списание в предыдущем десятилетии. И бригада проводников набрана из тех, кого по какой-то причине давно не ставят на дальние рейсы.

Вот потому-то, в свете выше обозначенного, и стоял этот поезд на самой дальней платформе. Пока пассажиры доберутся до нее.

Подполковник Малахов мягко открыл дверь во второе купе, втащил тяжело нагруженную сумку, закинул в багажное отделение под своей нижней полкой. Он опустил лавку, покрытую облезлым дерматином без всякого следа присутствия под ним поролона. Неспешно снял с себя куртку. Повесил на крючок. Посмотрел на часы. До отправления поезда оставалось всего шесть минут, и он надеялся на то, что поедет один, без попутчиков, шумных и надоедливых до зевотной тошноты.

И билет-то себе в купе он взял намеренно, хоть и кусаче дороговато выходило для него. Но в плацкартном вагоне едут на головах друг у друга. Пронырливые проводницы умудряются набить свои вагоны. Там не то что повернуться, но и дышать негде. Пользуясь тем, что рейс ночной, проходит вдалеке от оживленной трассы – один-единственный за сутки – эти, ну, натуральные хищницы с железной дороги сполна компенсируют все свои потери в зарплате за счет «левых» пассажиров.

А вот купейные вагоны, как правило, следуют полупустыми. По одному или по два пассажира в купе, а то и вовсе без оных.

Хрипя, металлический голос по радио объявил об отправлении. В мутновато-грязном окошке медленно поплыл перрон, и только тогда пассажир с облегчением вздохнул.

Ему повезло. Усталость и полное равнодушие ко всему остальному разлились по его расслабившемуся лицу, сбросившему маску...

Добежавшая до вагона, вся запыхавшаяся, Сана поставила сапожок на первую ступеньку, когда хмурая проводница собиралась отпустить откидную подножку, чтобы сразу же закрыть дверь, зайти в теплое купе и там отогреться. Пронизывающий до костей жгучий ветерок выдул все остатки живого тепла. Ее легкое демисезонное форменное пальтишко без подстежки в ужасно мерзкую погоду ничуть не спасало.

– Милочка, вы бы сюда чуть позже, через парочку минут подошли, – язвительно проворчала хозяйка вагона. – То-то бы я вам ручкой своей помахала бы с этой стороны двери. Посадка на ходу строго запрещена.

– Вы меня, пожалуйста, извините, – капитан Полищук растянула губы в примирительной улыбочке.

Ужась как не хотелось ей ссориться с молодящейся дамочкой с грубо раскрашенным лицом. Характерные мимические складки вокруг рта говорили о желчности и склонности характера хозяйки вагона.

– Билет в самую последнюю минуту дали. Говорят, мест нету...

– Не знаю я, милочка, что и кто, и где вам говорил, – проводница с безразличным видом пожалала плечами, толкуя, что это безобразие ее не касается, когда в кассе мест нет, а вагоны идут полупустыми.

Машинально потянувшись левой рукой в карман куртки, Оксана достала пачку и вытянула из нее сигарету.

– А вот курить, милочка... – раздраженно заскрипела хозяйка, – пожалуйста, в неслужебный тамбур. Мне тут еще всю ночь работать.

– Как скажите, – капитан не стала спорить и, прихватив свои вещи, слегка покачиваясь, прошла в противоположный конец вагона.

Закурив, Оксана смотрела, как все быстрее пробегают в окошке знакомые городские кварталы, а память выкидывала перед ее глазами картины прошедшего дня. Как ей отнестись к тому, что случилось?

Вот это встряла она. То, как чувственно реагировали она сама и ее соскучившееся тело на мужские ласки, сильно испугало своей глубиной и крайне встревожило. Итак, неизбежное следствие замкнутого образа ее жизни. Нельзя в этом мире жить одной, нельзя. Тоска по дружескому плечу и одиночество сегодня вырвались наружу и победили ее волю.

Предвкушая в изрядно истерзанной душе приятное путешествие, Малахов раскинул на столике походную скатерть-самобранку. Налил он в пластмассовый стаканчик, медленно, с наслаждением, смакуя, выпил и отправил в рот соленый огурчик, от души захрустел. Лепота!..

Прикрыл Жека усталые глаза и весь полностью отдался во власть ощущениям медленно поднимающейся изнутри живой теплоты. Такие вот мгновения внутреннего и внешнего покоя стоили очень дорогого.

Не запертая на защелку, дверь со стуком и шумом открылась. В его уже слегка затуманенное сознание освежающим ветерком проник, надо сказать, что довольно приятный женский голосок:

– Не помешаю? У меня седьмое место...

– Нет, – угрюмо буркнул он, не открывая глаз.

Настроение у подполковника упало. Он недовольно поморщился и кинул мимолетный взгляд в сторону двери. Облик молодой женщины показался ему смутно знакомым. Расслабленный разум, несмотря на его слабую попытку вспомнить, отвечать на запрос напрочь отказался. Не захотела память вспоминать. И черт с ней! Принесла же нелегкая на его голову. А он успел бурно обрадоваться и хорошо настроиться...

Едва лишь открыла Оксана дверь в купе, и на нее дохнуло резким запахом устоявшегося и застаревшего перегара, смешанного с весьма характерным неприятным запахом дешевой водки, изготовленной путем элементарного разбавления спирта, неизвестно какого происхождения, с прозрачной жидкостью из-под водопроводного крана.

Повезло ей, так повезло! Провести всю ночь на пару с алкоголиком, может, с самым настоящим бомжем. Хотя, и нет. Пришлось ей версию с бездомным бродягой отместить в сторону. Клиент на обычного бомжа не тянул. Или почти что не тянул. Оксана украдкой кидала на нечаянного попутчика быстрые оценивающие взгляды. Кто-то сейчас сказал бы, что в ней спонтанно сработали издержки ее профессии.

На вид мужчине было далеко за тридцать, а может, и за все сорок. Коротко подстриженные волосы, густо-густо посеребренные сединой. И двух-трех дневная щетина пока тоже еще ни о чем не говорила. Одет мужчина не ахти как, простенько, в китайский ширпотреб. Но выглядел попутчик чисто и опрятно. Значит, рядом с помойными ямами намерен он близко не валялся. И не ездят у них бомжи в купейных вагонах. Все больше в электричках перемещаются, где можно бесплатно, хоть до самого Киева, добраться или уже, на худой конец, в общем вагоне. Там можно и с проводницей как-нибудь, да и договориться.

А то, что человек пьет? Так, а кто нынче не пьет? Этакое время на дворе. Если только не жулик он, не вор и не грабитель, то пьет, заливая тоску по безвременно ушедшим, канувшим в лету счастливым временам социалистического рая да невыносимое горе от потери смысла всей своей жизни, от утраченных иллюзий. Да и мало ли что в том длинном списке

отыщется. Главное, чтобы этот товарищ, под самую завязку вдоволь наклюкавшись, не начал разудало буяннить...

Чуть охрипший голос отвлек ее от невеселых дум:

– Выпьете, девушка, со мной за компанию?

Оксана брезгливо поджала губы. Начинается...

– Нет, спасибо, – наотрез отказалась она.

После недолгого молчания в воздухе завис новый вопрос:

– Что так?

Гордо выпрямив голову, Оксана категорично заявила, отрезала:

– Я с незнакомыми людьми не пью...

– Как скажете, мадам. А я уже, было, грешным делом подумал, что вы больны. Неволить не будем, – прорвался наружу скрипучий клекот саркастического смешка. – Нам же больше достанется. Наше дело-то маленькое – предложить. А ваше – отказаться. Ну, тогда, мадам, пьем за удачную поездку, – мужчина чокнулся с бутылкой и выпил.

«Фу! Гадость!» – Оксана передернулась, неприятно пораженная как увиденным зрелищем, так и услышанным своими собственными ушами. Черт! И угораздило же ее взять билет именно на это самое место.

Никуда не спеша, с чувством, с толком и с расстановкой, сосед расправился с содержимым бутылки и, не раздеваясь, только скинул вниз один голый матрац, грузно завалился на скрипнувшую полку.

Презрительно пожав плечами, стараясь не смотреть в его сторону, Сана достала белье. С присущими ей с детства особой тщательностью и аккуратностью застелила постель. Выключила свет. В купе стало темно, хоть глаз выколи. Выждала, пока глаза не попривыкли к тьме. Светлее не стало. Она удовлетворенно хмыкнула, повернулась к окну спиной. Стянула Сана с себя свитер. Расстегнула одну пуговичку на блузке...

На полной скорости состав проскочил или через железнодорожный переезд, или же через полустанок. Донесся слабый предупреждающий перезвон. Мелькнул семафор. Узкое купе всего на каких-то несколько секунд скупно осветилось, и тут широко открытые глаза подполковника выхватили тонкий и гибкий стан, изящные контуры нежной шеи. В зеркале отразилась молочно-белая грудь, столь эффектно приподнятая движением рук, заплетающих волосы в тугие коротенькие косички.

Мгновения пролетели, и темень снова победно сомкнулась. Но то, что мужчина успел увидеть и разглядеть, прочно запечатлелось у него перед глазами. Снова в мозгу засвербела навязчивая мысль о том, что где-то он что-то похожее уже видел. Видел. Видел. Но... где?

Но вот нет, на этот раз он от своего не отступился, заставил свою донельзя обленившуюся память всерьез взяться за нелегкую работу.

И пошла она шерстить по закоулкам, разбирая по темным углам весь скопившийся за долгие годы ненужный, а потому-то и сброшенный подальше всякий хлам. Сначала медленно, весьма нехотя, натужно скрипя и недовольно ворча на беспокойного и неугомонного хозяина.

Нет, чтоб плюнуть на все и спокойно заснуть. Далась же ему эта бабенка. Даже разговаривать с ним и то не захотела-то, компанию не поддержала. Но потом, увлекшись самим процессом рытья в старье, заработала память все быстрее и быстрее. Главное – начать...

Две косички. За них ей зацепиться и поискать? Обнаженная спина и тугая грудь ни о чем не говорили. Мало ли они за совместно прожитую с хозяином жизнь повидали на своем веку обнаженных женских тел? Немало. А вот косички – совсем другое дело.

Сколько девчонок прошло перед глазами с такими же косичками? Тоже можно, конечно, сказать, что и не счесть, и не пересчитать...

Ну, если начинать со школы, то да. А зачем? Встретить здесь кого-то из них – энтэ что-то из области научной фантастики.

Надо сузить поиск. Танцы и дискотеки во время учебы в училище? Нет, те девчата таковых причесок не носили. Нет, не там, не там. Не то все, не то. Однако хозяин в то время трубил еще курсантом.

Куда они с ним ездили? По колхозам? Нет, не встречалось во время уборки урожая. Но они ездили. Да, они ездили с его другом к тому домой то ли в Марьину Рощу, то ли в Мариново. Нет, в Марино...

Да, они садились на электричку, что шла на Колосовку, перли часа два, никак не меньше. Именно там они и увидели энти две косички.

Васька Казак познакомил их со своей соседкой, еще школьницей, девчонкой с двумя забавными коротенькими косичками. Ох, как же еще у нее фамилия-то была? Куда подевалась она, где затерялась?

Где-то рядом, скрипя, зашевелился отдел ассоциативной памяти. Что именно соседка аналитики хочет им сказать, может, и подсказать?

Точно-точно, у них в училище имелся майор с такой же фамилией. И пахал он начальником учебного центра. Все время тот проводил в полях, и фамилия тому соответствующая, производная от полей...

Ага, майор Полищук. Это уже точно, на все сто. Значит, у девчонки имелась фамилия Полищук. И? Оксана Полищук. Сана-Сана. Внутри у подполковника разлилось тепло. Точно, была, была такая девчонка...

Получив столь положительный сигнал, мужчина удовлетворенно вздохнул. Вспомнил. Но почему он сразу-то не подумал о ней?

Сана-Сана. Она была его самой первой и неразделенной, а потому и скрытой от всех юношеской любовью. Он любил ее. А она его? Иногда ему даже казалось, что она тоже любила его. А иногда и нет.

Была такая девчонка. Окончила школу и пропала. Он попытался ее отыскать, но не смог. Прошло с той поры лет десять как, не меньше.

И вот милое личико той юной девчушки стараниями неумолимого времени стерлось. В его памяти остались одни коротенькие косички. И похожа ли эта женщина на ту девушку-девочку? Может быть...

Все может быть. Не зря же что-то показалось ему знакомым. Но оно еще ни о чем не говорит. Он, к его немалому стыду, уже плохо, вернее, смутно помнит девичье лицо. А девочка могла легко превратиться в дородную бабищу. Вышла она замуж, нарожала кучу детишек. Мало ли похожих друг на друга людей бродят по этой многострадальной земле? Бродят себе, ну и пусть себе бродят...

Накинув на себя дорожный халатик, женщина присела. Вроде бы, она и разделась, но все равно жарко. Дотронулась рукой до батареи и резко отдернула. Кипяток! Понятно, почему в купе жарковато.

Она прилегла, не расправляя одеяло, прямо сверху на него. Скорее всего, покрывало ей никак и не понадобится.

Глаза закрылись, но сон к ней не шел. Сана-Сана! Что происходит-то с нею? Куда она катится по наклонной лестнице? Ох, и в стерву же она превратилась, в настоящую стерву! Мужик ее пальчиком поманил, и она тут же без всякого стеснения запрыгнула к нему в его супружескую постель. А ежели быть откровенной с самой собой до конца, так чуть ли не сама с явной охотой предложила себя.

Куда за годы подевалась одна девочка с тоненькими косичками? Не могла же она взять и просто бесследно исчезнуть! Хоть что-то же от нее осталось? Ну, хотя бы что-то!

...Сколько Сана сама себя в детстве помнила, столько она всегда и работала. Только и делала она, что постоянно пахала.

Прибегала девчонка со школы, на ходу обедала, наспех делала, а когда и не делала уроки, и тут все и начиналось. Прополка в огороде, кормежка скотины, готовка еды, уборка в доме, стирка...

Мать вкалывала на молочной ферме и пропадала там с самого утра и до поздней ночи. Изредка прибегала домой, чтобы покормить свою малышню. Да и то через раз, не каждый божий день. Сначала у девочки появился один братик, а через пару лет и еще один выискался...

Отца у нее в отличие от соседских детей никогда не имелось. Про таковского человека у них в доме никогда не говорили.

Но зато у них постоянно жили командировочные. И если то была женщина, то спала жиличка в отдельной светелке на широкой кровати, а сама же хозяйка хаты устраивалась рядом с дочкой на ее узкой постели.

А если же у них жил мужчина, то порой мать почему-то могла в те самые ночи к ней не приходить и не тесниться с дочкой. В те дни она, маленькая и неразумная, благодарила судьбу за то, что снова может спать одна и никто не мешает ей хорошенько выспаться.

Долго Сана никак не могла взять в толк, почему мать с мужиками может спать вместе, а с женщинами никогда не спит. И что именно для нее лучше? Когда она раздольно спит одна или теснится с матерью? Наверно, все же мужики-постояльцы лучше...

Иногда, по выходным, к ним в гости заезживал школьный учитель физики и математики Степан Андреевич.

Может, частенько задавалась девчушка вопросом, он приходился им дальним родственником? Сана всегда в тот день получала подарок, а потом мать выпроваживала девочку на улицу. Кем бы и ни был для них с мамой учитель, тот с самого первого класса терпеливо занимался, проводил дополнительные занятия, если девочка начинала не понимать тот или иной предмет, скатываться на четверки.

Чем старше становилась Сана, тем сильнее и сильнее разгоралось в ней любопытство. И ее начинали мучить вопросы: почему это ее мать то спит с ней, то нет и кто все-таки у нее отец?

По ночам за стенкой слышалась непонятная ей возня: противный скрип вконец расшатанной кровати, сопенье, кряхтенье и звонкое повизгивание матери. Девочка росла и начинала многое понимать. Она стала со вниманием ко всему прислушиваться. До нее доносились обрывки слов и отдельные фразы.

Становилось ей понятно: откуда брались подарки, почему мать часто куталась в платок, пряча от чужих глаз лиловые пятна то на шее, то на плечах. И главное – это она тоже поняла, почему братишки у нее удивительно разные и не похожи ни на нее, ни друг на дружку.

Прибегала Сана со школы, сама кормила подросших пацанов и всю остальную живность: кур, утят, двух поросят. Огород требовал к себе постоянного внимания. Чем старше становилась девочка, тем большую часть забот по дому перекладывала мать на ее худенькие плечи.

Какие уж тут уроки? Когда их было ей готовить? И зачем стараться ей учиться? Работа в коровнике пятерок по литературе не требовала. То, что можно вкалывать и не дояркой, в голову ей и не приходило...

Степан Андреевич забежал к ним как-то в воскресенье, когда мать околачивалась дома, и с ходу устроил той приличную выволочку:

– Ты что же, Людка, такое-то творишь, а?

– А что я... что я? – то ли и на самом деле мать ничего не поняла, то ли она поначалу решила сыграть в непонимание.

– Ты не понимаешь, да? – горячился гость, угрожаясь наседа на мать, и та попятилась назад.

– Степа-Степа, да Бог с тобой! – запричитала она.

– Людка! – он тряс кулаком перед самым ее носом. – Ты зачем же дочку свою губишь, не даешь ей заниматься? Хочешь, дурная, чтобы она пошла по твоим же стопам, повторила твою судьбу?

Видно, его выпад разозлил мать, она угрюмо огрызнулась:

– А чем же, интересно, она, моя судьба, тебе не нравится?

– Чем? – учитель снова начал заводить. – Всю жизнь провести на ферме посреди коров? Что хорошего ее может тут ждать? По кругу ничего нет. До станции два километра. Пешком и в грязь, и в снег. Хорошо еще, что железная дорога близко к нам прошла. А то мы все тут, как степные волки, жили бы, были бы. Парни после армии домой не возвращаются, остаются в крупных городах. Невест полно, а женихов-то и нет. А у тебя дочка учиться может. Одна и надежда на то, что она куда-то сможет поступить. Ей нужен приличный, не то слово, отличный аттестат. Я ее с самого первого класса на медаль тяну! А ты... что тут творишь? Мать ты ей, в конце концов, или не мать?

– Ну, мать, – женщина исподлобья глянула на него. – Я мать, а ты, Степа, ее отец. Если бы ты мне помогал, то мне не пришлось бы... – она обиженно прикусила губу.

С грохотом Степан Андреевич оттолкнул в сторону табурет:

– Я тебе, Людка, всегда помогал, пока ты не пошла по рукам. Ты скажи, кто в койке у тебя еще не побывал, кто не отметился?

– А кто, Степа, в этом виноват? Кто мне, глупенькой, головушку задурил? Кто несмысленную сладко за околией целовал, кто елею в ухо нашептывал? Забыл али, чего мне сам-то обещал? Во сколько лет я ее родила? – размазывая тушь по всему лицу, мать громко всхлинула. – Мне едва семнадцать исполнилось. Школу закончила и родила. Сколько я позору натерпелась. И из-за нее я никуда не уехала, осталась здесь. А я тоже могла бы куда поступить. Сам помнишь, что училась я не хуже Оксанки. Ежели поразмыслить-то, то ты во всех моих бедах кругом виноватый! – женщина отошла от обрушившегося на нее натиска и в ответ наступала на мужчину. – Первопричиной всего-то был ты...

Видать, этакой разговор пошел промеж них уже не впервой, и тут учитель обреченно взмахнул рукой, что толку барабанить впустую:

– И ты сейчас хочешь все свое зло сорвать на родной дочке?

Мотнув головой, мать перекрестилась:

– Нет, конечно же, Степа. Да Бог с тобой. Дочь как-никак родная, своя кровинка. Обидно мне, что ты лихо со мной поступил.

– Поздно, Людка, говорить. О том остается только сожалеть. Я тебя просил год всего меня подождать, а ты с Федькой слюбилась.

Бросая на мужика косые взгляды, женщина ехидно прошипела:

– Так я назло тебе, Степа, чтобы тебя подстегнуть, поторопить.

– Вот и подстегнула, выходит, одна свою судьбу.

– Степа, – зло фыркнула мать, – не любил ты меня вовсе, а так, сплошное баловство, что промеж нами случилось.

Измерив всю комнатенку вдоль и поперек, учитель опустил на табурет, сжал кончиками пальцев виски, болезненно поморщился:

– Любил... не любил. Да я тебя, Людка, до сих пор еще люблю.

– Любишь, говоришь. А от жены своей все равно не ушел...

– Ну, знаешь! – гость возмущенно качнул головой. – Я уже, было, ушел, даже заявление на развод мы подали. Но когда приехал к тебе, то оказалось, что место давно занято. И куда мне, скажи, надо было идти? Все, Людка, остановились. Речь не про то, а о дочке твоей.

Теребя уголок платка, мать язвительно поправила его:

– О нашей дочке. Ты, Степа, об этом-то не забывай.

– Да, Люда, о нашей дочке. Не мешай ей учиться, не губи на корню ее судьбу. Дай ей выбиться в люди...

Задумчиво царапнув затылок, мать хитренько прищурилась:

– Хочешь, чтобы она пошла по твоим стопам?

– Не думаю, что это лучший вариант, – он с сомнением покачал головой. – Мехмат она не потянет. С математикой у нее беда...

Будто этого мать только и ждала, с еле скрываемым злорадством ткнула перед собой пальцем, назидательно потрясла им:

– Нечего ей куды-то и соваться. Пушай она дома сидит... В городе и без нее дурех полно на каждом углу...

Предостерегающая рука остановила поток ее красноречия:

– Ты, Людка, постой. Что ты все к одному и к тому клонишь.

Недовольная тем, что ее прервали, женщина сердито засопела:

– Я... я клоню? Сам же только что сказал про то. Бесталанна!

– Зато память у нашей девчонки цепкая. Есть хорошие способности к логическому мышлению. И говорить складно она умеет. Надо, чтобы она попробовала поступить на юрфак.

– И куда? – женщина выжидающе прищурилась, подбоченившись, кидала на учителя полные иронии взгляды.

– В университет.

– Ха, кому она нужна, безотцовщина, деревенщина неотесанная? Слыхала я, какие у них конкурсы на место...

Но Степан Андреевич не отступал:

– Ну, мы это, Людка, еще посмотрим. Получит она медаль. Сдаст на «отлично» первый экзамен и поступит без всяких конкурсов.

– Сдаст, как же. Его же этот экзамен сдать еще надо, – мать очень даже скептически отнеслась к его наивной уверенности.

– Сдаст. Подготовимся...

И они стали упорно готовиться, несмотря на глухое ворчание и все скрытое и явное противление ее родной матери.

Подшло времечко, и Степан Андреевич сам повез Сану в Одессу. Впервые в жизни попав в огромный незнакомый город, девочка пугливо озиралась по сторонам и тихо жалась к руке своего провожатого.

Университет оказался рядом с вокзалом. Они прошли пешком всего два-три квартала, вдруг оказались перед старинным зданием. Площадь кишмя кишела будущими абитуриентами и их родителями.

Оксане сразу стало так страшно, так страшно, что она уперлась ножками и потянула Степана Андреевича за рукав.

– Что, Оксанка? – учитель ласково посмотрел на дочку, хорошо понимая ее без меры подавленное состояние.

– Степан Андреевич, давайте, поедemте домой. Нечего нам с вами туточки делать. Вы только-только посмотрите на них и посмотрите на меня, – на ее глазках выступили слезки. – Платья у меня ни одного приличного нет. Вон уже все пальцами на меня начинают показывать. Рыжей скоро начнут меня по кругу обзывать, замарашкой...

– Платья, говоришь? – он ласково погладил ее по головке. – Ну, дело поправимое. Ты пока постой в сторонке. А я узнаю, что к чему. А потом мы мигом это дело поправим. Оденем тебя, как принцессу. Все городские пигалицы от зависти позеленеют...

Одеть ее, как принцессу, им все же не удалось, но после похода в ЦУМ Сана почти ничем не отличалась от других девчонок. Волосы ей покрасили в каштановый цвет, и она немного приободрилась.

А утречком в день первого экзамена Оксанка вновь почувствовала приближение приступа панического страха. Пыталась вспомнить, но в голове было пусто. Даже на самые простые вопросы она не знала, что и как ей отвечать. А что будет, когда она встанет перед экзаменационной комиссией? Ее же мигом погонят из аудитории в три шеи...

Умудренный богатым жизненным опытом, учитель быстро понял все, почувствовав, как дрожит ее ладошка в его руке, увидел, как мелко-мелко подрагивают перепуганные сжатые губки.

– Ну-ну-ну, успокойся, Оксанка, успокойся. Все будет хорошо. Так бывает. Кажется, что ничего вовсе не знаешь, а когда сядешь за стол, успокоишься, напишешь одно словечко, оно потянет за собой второе, а то выудит следующее. И пойдешь нанизывать их одно на другое...

С боязливой опаской подойдя к столу, покрытому красной тканью, Сана вытянула билет и долго не могла сообразить и понять: какой же у него номер? То ли шестой, то ли не сам ли девятый...

Строгая дама в круглых очках, сдвинутых на самый кончик носа, требовательно подняла на нее пронзительные глаза. Оксана, смущенно улыбаясь, протянула листок и тихо прошептала:

– Я... я никак не могу разобрать, что за цифра...

– Билет у вас номер девять, – женщина усмехнулась, и на миг глаза ее подобрели. – Берите, девушка, бумагу и садитесь за вон тот стол. Он у нас самый счастливый. Только вы про то никому ни слова! Это большой секрет... – предупредила она и заговорщицки подмигнула.

Присела Сана на указанное ей местечко, прочитала первый вопрос, закрыла глаза, чуть задумалась, написала первое словечко, и тут ручка, будто сама собой, побежала, спеша оставить свой след на бумаге.

Когда она, отвечая, ловко приводила примеры, то и дело ссылалась на исторический XXVI-ой съезд КПСС, члены комиссии одобрительно кивали головой. А когда Оксанка в завершение к месту вставила тезисы Апрельского Пленума ЦК КПСС, дама в очках поощрительно пару раз хлопнула ладошкой об ладошку.

Много позже, по истечении времени, Сана-то сама поняла, что с ее основательной подготовкой она смогла бы сдать экзамен по любой специальности. Степан Андреевич постарался. Но ее родители сами выбрали для своей дочери будущую специальность, и она, успешно пройдя испытание, поступила на юридический факультет.

– Оксанка, я прошу тебя, – Степан Андреевич по такому случаю чуточку выпил, глаза его возбужденно горели, – ты держись. Все, что было в моих силах, я для тебя сделал. Остальное все уже зависит только от тебя самой. Будет трудно, но ты держись. Ударят по одной щеке, ты им не отвечай, но и вторую щеку для битья никогда не подставляй. Ты уклоняйся, ты уйди лучше в сторону. Главное – выдержать первый год. Зацепиться, окончить первый курс. Оксана, обещаю тебе, что ты ни за что не бросишь учебу...

Она обещала. Ей и самой не хотелось возвращаться домой. Чтобы потом на селе в нее пальцем тыкали и смеялись над неудачницей...

Скромная, стройная и худенькая, как тростиночка, юная девушка с красивым миндалевидным разрезом серо-голубых глаз, с очень милой, располагающей улыбкой на лице быстро стала всеобщей любимицей.

Безотказная, она всегда спешила на помощь тому, кто в ней особо нуждался. И делала Сана все от души, от чистого сердца.

И взамен она ничего никогда не просила. Просто Оксанка была так воспитана. Вот и все. Ее милая естественность, открытость и прямота подкупали всех без исключения. Или почти всех.

На беду, заметил девушку комсомольский вожак университета, секретарь комитета ВЛКСМ, Юрка Карпов, предмет страданий не одной и не двух девчонок. Как хищный паук, он стал потихоньку опутывать, окружать ее ненавязчивым вниманием. То там появится на ее пути, то тут встанет на проходе, то оттуда окликнет с лестницы...

И Сана почувствовала его изменившееся отношение к ней. Но не придавала она этому никакого значения. К тому же, пока еще совсем иной жил в ее сердце. Никому и никогда не признавалась Сана в том, что без оглядки влюбилась она в приезжавшего в гости к их соседям курсанта военного училища. Даже мать про то нисколько не догадалась.

Но время шло. Курсант давненько уже выпустился, уехал к новому месту службы. Куда именно, она не знала. Несуразно у них вышло все.

В ту их последнюю встречу Жека неожиданно в тот вечер уехал, и они не успели ни о чем договориться, думали, что еще поспеют...

Время – лучший лекарь. Оно способно залечивать душевные раны, наслаивая события одно на другое, постепенно выталкивая из памяти прошлое. Ее новые впечатления потихоньку заслоняли собой старые, отодвигали их на задний план, сглаживая, притупляя их остроту.

Внимание молодого человека, на которого молилась большая часть девушек-студенток, конечно, не могло не импонировать Сане.

Опытный университетский ловелас сумел довольно быстро и легко вскружить голову неискушенной девчонке.

С их самой первой встречи Юрочка буквально очаровал ее своими рассказами об истории города во время частых и длительных прогулок по центру. Он водил девушку по памятным и историческим местам, всегда был подчеркнута галантным и предупредительным.

И никаких намеков на какие-то другие отношения, кроме как чисто товарищеские и дружеские.

Так они ходили неделя за неделей, пока парень не убедился в том, что девушка влюблена в него по уши. Забыла Сана про свою первую любовь. Может, то вовсе и была не любовь, а ее горячее желание выдать желаемое за действительное. Выдумала она того парня и все. И нет его на деле. Нет и все. Промелькнуло, пропало за горизонтом...

Вот тогда-то Карпов и перешел в атаку. Он искал благовидный предлог, чтобы привести ее к себе на квартиру, да все не находил. Но, как всегда, помог Его Величество Случай. Проливной дождь застал их врасплох, заставил парочку искать подходящее укрытие.

По нелепому стечению обстоятельств, всего в двух шагах оказался дом, где он жил. Промокшие до нитки, они вбежали на третий этаж и остановились перед высокими массивными дверями. Парень открыл их ключами, но ничто пока не насторожило Сану. Девушка была уверена в Карпове, в его трепетном и бережном отношении к ней.

Стояла она посреди большой комнаты и безмятежно улыбалась. Все ее приводило в трепетный восторг. Подмигнув ей, Юрок оставил Сану одну. Ее глаза заскользили по стенам. Столько картин! Как в музее!

– Тебе срочно надо переодеться в сухое, а то простынешь, – он протягивал в руке махровый халат и большое мохнатое полотенце.

Предупредительный и деликатный, Карпов вышел, и она быстро скинула все с себя и принялась вытираться.

– Ты прекрасна, ты – богиня! – он неслышно подошел сзади, и его руки опустились на ее обнаженные плечи.

– Не надо, Юрочка, – чуть слышно шептали ее растерянные губы, а руки предательски безвольно упали, когда молодой стервятник с силой прижал к себе свою беззащитную жертву, нагую и трепетную.

– Я люблю тебя! – горячо шептал ей искуситель. – Ты такая...

– Юра... Юрочка, что... что ты делаешь? – с душевным надрывом спрашивала она, ошеломленная неистовым натиском и его напором.

А парень целовал ее влажное лицо, изгиб шеи, спускаясь все ниже и ниже. Его губы коснулись ее по-девичьи упругой и нежной груди, по-хозяйски вобрали в себя острые комочки, и она, прикусив нижнюю губу, прикрыла глаза и покорила неизбежному...

Но на следующий день, проходя мимо девушки, так и кинувшейся, было, ему навстречу, парень с ней даже не поздоровался, напротив, тут же демонстративно отвернулся в другую сторону, словно ее для него уже и не существовало на этом свете. У Саны потемнело в глазах.

Недолго длился ее праздник души. Наступило тяжелое похмелье после опьяняющего напитка любви. Девушка в самые последние дни не ходила, а летала. А тут ее крылья словно подрезали. Пришло позднее прозрение. Ей явственно вспомнились ранее не воспринимаемые слова подружек о том, что Юрка девушек не любит, а только играет с ними. Натешится он одной и приступает к охмурению очередной жертвы.

И сама Сана – вовсе не исключение, а лишь одна из многих в его длинном-предлинном списке одержанных им побед. И бросил он ее так скоро, на следующий же день, чтобы сделать ей еще больнее, подло мстя за то, что вынужден был настолько долго с ней возиться и затратил на нее прорву своего времени и уйму усилий.

Потемнела Сана лицом, замкнулась в себе и потеряла интерес ко всему происходящему вокруг нее. К ее несчастью, вдобавок ко всему она скоро поняла, что ждет ребенка, и ошибки в том быть не могло. От горького стыда и невыносимого горя, не зная, куда ей теперь со всем этим деваться, забила она в своей комнате и два дня не выходила.

Сидела девка на кровати, как затравленный зверек, пока ее силком не вытащил староста их группы Костик Тихонов.

Долго смотрел он на ее вытянувшееся, посеревшее лицо и мрачно покачивал головой. Шагнул парень к ней, крепко прижал ее голову к своей груди. Сана не выдержала и разревелась.

– Все! Надоело... уеду я... гады все... уеду я... домой... уеду! – бессвязно выкрикивала она. – Стыдно-то как!..

– Ну, Ксана, что ты? – Костик пытался ее успокоить.

Отстранившись, отсутствующим взглядом смотрела девушка на него и ничего перед собой не видела, влажная пелена застила все.

– Чужая я здесь, никому ненужная...

– Ну, что ты, Ксана...

Ее посеревшие, потрескавшиеся губы мелко подрагивали:

– Чужая я. Мать правильно сказала, что место таким, как я, дурам на скотном дворе. Она как в воду глядела.

Сочувствующие дружеские руки мягко гладили ее понурые плечи, успокаивали:

– Ксана, все будет хорошо. Ты просто забудь про него. Не стоит он, гад, чтобы еще и думать о нем.

Утробно охнув, Сана надрывно простонала:

– А... а... а ребеночек? Как же быть с ребеночком?

– С каким еще ребенком? – тихо-тихо переспросил Тихонов, боясь поверить в свою столь очевидную догадку. – Ты, ты...

– Да, я беременна, – прошептала она и отвела его руки в сторону. – У меня одна дорога – домой. Спрятаться от всех, скрыть позор...

– Нет, Ксана, – твердо произнес Костик. – Это не выход...

Тупо уставившись в одну точку, Оксана прошептала:

– А где, где он твой выход, скажи? Ходить мне с пузом, чтобы все на меня пальцами показывали, насмехались надо мной? Нет, я этого не перенесу, не выдержу. Лучше все бросить, уехать...

– Ты его хочешь? – моргнув, спросил у нее парень.

Невыразимая боль прорезалась в расширившихся девичьих глазах. Она поняла, что речь идет о том, кого она носит под сердцем.

– Нет, я не хочу ребенка от такого отца. Чтобы он вырос таким же, как и его папаша? Нет-нет, никогда! Поеду я домой, может, мать что придумает. Но сюда я не вернусь. Ох, стыдно-то как! Стыдно...

Сквозь причитания Сана едва расслышала, как Костя произнес:

– Ксана, если ты его не хочешь, то я тебе помогу...

– Да? – первый раз за весь их разговор она подняла осмысленные глаза. – Ты мне поможешь? Как?

– Сделаешь аборт...

Пушистые реснички испуганно вздрогнули:

– Но я боюсь, что потом у меня никогда не будет детей. Может, мне оставить этого? Господи, вразуми ты дочь свою неразумную! – клубок сомнений, разгоняясь, волчком завертелся в Саниных глазах.

– Ксана, какой у тебя срок?

– Недели три-четыре. Не знаю, – она пожала плечами.

– Срок еще маленький, и я помогу устроить тебе мини-аборт.

– Это что и как надо понимать? – встряхнув недоуменно косичками, Сана уставилась на парня своими широко раскрытыми глазами, потом смущенно она потупилась. – Впервые слышу про этакое.

– Говорят, безопасно. Вакуум отсосет, и всего-то дел.

Недоверчивые и подрагивающие девичьи очи поднялись вверх:

– А ты откуда про все это знаешь? Может, и ты у нас по этому делу большой специалист и тоже имеешь богатый жизненный опыт?

– Одно другому у нас не мешает, – уклончиво ответил Костик. – Ты, Ксана, согласна или нет?

Трудно было принять ей решение, которое, возможно, изменит всю ее жизнь, но решаться-то все равно надо, иного пути у нее нет.

– Наверное, я, Костик, сейчас делаю самую большую глупость в своей жизни, соглашаясь с тобой.

Сожаление высветилось в глазах Тихонова, он качнул головой:

– Глупость, Ксана, ты совершила, когда связалась с тем типом. А я тебя, помнится мне, предупреждал.

– Я думала, – Сана прерывисто вздохнула, – что ты... ты только из-за элементарной зависти к нему.

Закусив губу, девушка потупилась. Как же сильно она ошибалась, и вот незамедлительно пришла неминуемая расплата.

– Индюк у нас тоже думал, да в суп попал.

– Попал... – протянула Сана. – Когда ты все можешь устроить?

А про себя она произнесла-прошептала: «Ох, прости меня, Господи, неразумную дочь свою...»

К ее удивлению, все произошло быстро. Она даже и не ожидала. В назначенный час пришла по указанному ей адресу, назвала себя. Врач посмотрел на нее внимательным взглядом, коротко кинул:

– Раздевайтесь.

Краснея, сгорая от жгучего стыда, она торопливо сняла с себя всю одежду, накинула простую рубашку и подошла к столу. Мужчина в халате осмотрел ее, прощупал груди, и ей показалось, что проделывает он все это не без удовольствия. В страхе от того, что скоро произойдет, Сана закрыла глаза и вцепилась руками в какие-то ручки...

Не прошло и трех часов, как она вошла в двери, и вот снова стояла на улице. Пусто внутри у нее стало. Пусто стало на душе и на сердце.

В одно лишь мгновение все выгорело. Только что там, в небольшой операционной, в тяжких муках умерла милая девочка с тоненькими косичками, и что-то совсем иное зародилось вместо нее. И мир вокруг нее неузнаваемо стал совсем другим.

Никто, кроме Костика, не узнал про то, но зато все скоро заметили ту разительную перемену, что произошла с нею самой. Ее не перестали любить, но вот только отныне восторгаться ею как-то перестали.

Потерялась в ней, начисто куда-то пропала изюминка, всегда столь выгодно выделявшая ее среди остальных. Исчезла без следа ее милая непосредственность, пропала неизвестно куда душевная открытость, не слышалось больше ее заразительного, берущего за душу смеха.

Стала она намного сдержанней, менее ко всему восприимчивой. Появилась на ее поджатых губах чуть насмешливая улыбочка. В голосе Саны то и дело проскальзывали иронические интонации.

И только лишь один человек на свете был еще способен вырвать из нее смех, идущий от самого сердца, и она на время становилась, пусть и слабой копией, но близко похожей на прежнюю Сану.

Но оказалось, что Костик мог быть для нее другом, очень близким другом, близким настолько, что она могла делиться с ним всеми своими сокровенными тайнами и даже больше, но только другом.

Лишь один раз он позволил себе и был с нею. В тот самый день, когда Сана подумала, что жизнь для нее полностью окончена, и тогда Костик своей любовью бережно лечил ее, возвращал к жизни.

А после о близости и даже речи пойти не могло. У парня была своя девушка, которую он любил до потери пульса.

Костик-друг всегда находился рядом. Он незримо стоял у нее за спиной в готовности, случись что, тут же протянуть ей руку помощи. Отец у него работал замом военного прокурора. Стараниями Костика она после окончания университета неожиданно для всех, да и для себя надела лейтенантские погоны. Казалось, что перед нею уже открылась прямая и широкая дорога в безмятежное будущее...

Да страна вдруг, а если задуматься, то, вообще-то, и не вдруг взяла и на глазах стараниями прозападных «демократов», «реформатора» Горбачева, властолюбца Ельцина и иных агентов иностранного влияния развалилась. Той страны, в которой они жили, не стало...

По Украине загуляли волны махрового национализма, повсюду у них культивировали неприятие и ненависть ко всему русскому. Народу дурили голову, отбивая историческую память, искажали факты. Будто и не были когда-то русские и украинцы одним народом – русичами.

В 92-ом году Тихоновы, поняв всю бесперспективность жизни на Украине, со всем своим большим семейством собрались и тихо-тихо перебрались в Россию. Звали они, настойчиво звали и ее с собой, но она как-то не смогла решиться на судьбоносный шаг.

Оставались ее родная мать, почти уже выросшие и переросшие ее братишки, человек, которого она по праву стала называть своим отцом. Как же она могла их бросить, взять и уехать? Крутилась и вертелась Сана одна. Скрипела зубами, но как могла она карабкалась...

III

Визгливо и противно, натужно заскрипели тормозные колодки. Поезд замедлил ход и остановился. От толчка сосед очнулся, покряхтел, вверх потянулась его рука с часами. С виду «Orient», а на самом деле – дешевая китайская подделка.

– У, это надолго. Аккерман. Стоянка – сорок минут...

То ли для нее, то ли уж больше для самого себя произнесся тираду, мужчина живо подтянул к себе ноги и через секунду сидел, натягивая простенькие и затасканные зимние полусапожки. «Made in China». Или, как говорили в простонародье, «Купил и чини».

– Может, и вам что-то принести? – подумав, спросил он, заметив, как за ним весьма внимательно следит пара настороженных глаз.

– Спасибо, у меня все есть, – без всякого желания ответила она, чтобы не показаться совсем уж невежливой.

– А если хорошенько подумать? – сосед прищурился.

– Спасибочко, мне ничего не надо. В особенности от вас... – сухо добавила женщина и, не удержавшись, язвительно хмыкнула.

Выразила она ему, так сказать, фунт презрения. В настойчивости пьянице никак не откажешь. Возможно, таким банальным образом он все еще пытается завязать знакомство. Сделай лишь шаг навстречу и потом ни за что не отвязаться. И придется ей всю ночь выслушивать его пьяную болтовню. Как начнет нести всякий бред. Будет рассказывать ей сказки про свою не сложившуюся жизнь, про жену-изменницу. А там вовсе недалеко и до желания получить утешение, понятно какое...

– Как знаете, как знаете, – мужчина пожал плечами и вышел.

– Иди-иди... – Сана с облегчением выдохнула.

Подумала она о том, что хотя бы несколько минут сможет посидеть одна, не испытывая на себе чужой и неприятный взгляд...

Следовал по этому пути Малахов далеко не в первый раз. Маршрут ему был прекрасно известен, и все его действия давно были расписаны и до полного автоматизма четко отработаны.

Мягко спрыгнув на перрон, подполковник присел, гася скорость, пружинисто выпрямился, оглянулся и вразвалочку двинул к призывно светящимся окошкам ларьков. Ничто вокруг за время его отсутствия не изменилось, и цены, вроде бы, остались на прежнем уровне.

Подумалось ему о том, что в последние годы инфляцию зажали, и рост цен заморозился. А то он еще помнит те времена, когда получал зарплату, а к концу месяца на те же самые деньги удавалось купить раза в четыре меньше, чем в первых числах. Да, были же времена.

Когда он в первый раз получил на руки сумму чуть большую, чем миллион, то рассудил, что вот и сбылась мечта идиота и он, наконец-то, стал миллионером. Только вот толку вышло совсем мало. В Италии все в миллионерах ходят. Ну и что? И скоро их разноцветные купоны из туалетной бумаги перещеголяли и итальянские лиры по количеству своих нулей. Без калькулятора их было просто не высчитать.

Нашлись в стране умные люди, предложили ввести новые деньги – гривны. Отрезали, вычеркнули со всех ценников по пять нулей, и снова на рубль, то бишь, на гривну можно было что-то купить.

– Чего стоим, мужчина? – скрипнуло из приоткрывшегося окошка.

Нагнувшись, Малахов приветливо улыбнулся упорно борющейся с одолевающей ее зевотой безвкусно накрашенной девице и заказал себе сто пятьдесят грамм водки, полстаканчика минералки и хот-дог.

Одним махом опрокинул Жека в себя противно пахнущую жидкость, страдальчески поморщился, запил и неторопливо зажевал.

Как ни растягивал удовольствие, но с аппетитной сосиской в тесте он справился довольно быстро. Машинально глянул мужик на часы. До отправления поезда времени оставалось еще много. И дурные мысли зашевелились. Постоял он, посмотрел и махнул рукой. Заказал еще. Чтобы не мучиться раскаянием, прихватил бутылку водки.

Развернулся Жека и двинул к вагону. Но, посмотрев на свое окно, он вернулся, попросил еще бутылочку «Пепси». Зачем он так поступил, Малахов и сам, вообще-то, не мог себе внятно объяснить. Ведь ясно, совершенно же ясно видно было, что его попутчица наотрез не хочет с ним общаться. Не хочет и все. И ничего тут не поделать.

«Но ты сам на себя посмотри! И на кого же ты сейчас похож?» – внутренний голос без всякого стеснения расставил все по местам. Ясно, с ним теперь ни одна приличная женщина рядом не встанет, не то что еще и беседу с ним вести. Но ему и не нужно с ней беседовать. Просто хочется ему сделать этой женщине хоть что-то приятное.

Все-таки очень она ему напоминает Сану. Он плохо помнит лицо той Саны. Но вот ее чудные глазки, наверное, уже на всю оставшуюся жизнь запечатлелись в его памяти. Как сильно он любил ее глаза.

Даже жену он выбрал себе, чтобы ее глаза чем-то напоминали ему те, столь очаровавшие его, глаза. Глаза, глаза. Да, он все отдал бы за то, чтобы снова увидеть их. Да вот отдавать ему практически нечего.

Дожил. Докатился. Допился до ручки, чего стыдливо скромничать и умалчивать. Надо прямо так и сказать, что допился до полной ручки. Жена не выдержала, ушла. Со службой сплошная неразбериха...

Плавнo откатилась дверь, и в проеме показался попутчик.

– Это вам, – Малахов поставил небольшую красивую бутылочку на столик. – Угощайтесь, будь ласка...

– Я же русским языком сказала вам, что мне ничего не надо, – Сана демонстративно отвернулась к стенке.

В полумраке проглядывался ее страдальчески отрешенный силуэт, и попутчик, весело усмехнувшись, проявил настойчивость:

– Да пейте вы, девушка, не стесняйтесь. Я давненько понял, что нет у вас с собой никакой воды. В питьевом бачке тоже сухо. Я проверил. Если не желаете умереть от жажды, глотните...

– Спасибо, – на этот раз Сана не стала отказываться.

На самом деле, если сухость во рту ее еще и не начинала мучить, то подступала вплотную. И если попутчик не соврал про сухой титан, то чего уж тут понапрасну и назло себе строить из себя великомученицу.

– Да, вам второе одеяло принести? – спросил Жека, открывая дверь и выходя в коридор.

– Зачем? И без него жарко, – Сана весьма скептически отнеслась к его, как ей показалось, совершенно нелепому предложению.

– Пока оно жарко... – без всякой интонации пробурчал-произнес, пробубнил попутчик. – Проводница наша бравая давно без задних ног дрыхнет. Засыпала весь уголек в топку и на этом ее работа закончилась. Уголек весь прогорит, и тогда уж вагон мигом выстудит, – проворчал он, неспешно подходя к служебному купе.

Взяв себе одно одеяло, Малахов хотел, было, уйти. Не желают его слушать, пусть потом под утро и мучатся. Он даже чуточку злорадно усмехнулся, мысленно живо представив себе эту картину. Но тут же его совесть поборола спонтанное и малость подловатое желание отмстить. Потянулся он за вторым. Почему у него всегда так получается? Хочет сделать маленькую пакость, но не может. Воспитание не позволяет?

Вернулся он в купе, кинул на полку над собой. Соседка уже легла, спала или, скорее, делала вид. А его все мучило неотступное желание заглянуть в ее глаза. Вот только увидеть их и успокоиться. Понять, что он глубоко ошибается, принимая ее не за ту особу.

Эх, Сана-Сана! Куда же она в то лето-то пропала? Снова на душе стало тяжело, и Малахов скрутил пробку. Вагон тихо покачивало, и он старательно целился, боясь, что промахнется и бесценный продукт зря пропадет. Не слизывать же его потом со столика...

Тихонько приоткрыв один глазик, Сана скосила его и посмотрела. Сосед сидел в своем углу. Вел незатейливую беседу с принесенной с собой бутылкой. Пьет себе человек и пьет без продыху, и не хочет остановиться. Ладно, хоть не буйный мужичок-пропойца ей попался.

Состав кидало из стороны в сторону на расшатавшихся, давненько, видно, не ремонтировавшихся путях. Усталость исподволь подкралась, и неожиданно для себя Оксана уснула. И снилось ей, что она, как Зоя Космодемьянская, подкрадывается к вражеским складам.

Ночь. Кругом темень. Хоть глаза выколи. С большим трудом она продирается сквозь непроходимые дебри незнакомого леса. Бисеринки пота выступают на лбу, но она не обращает на них внимания. Главное для нее – выполнить поставленную перед ней задачу.

Но, несмотря на столь поздний час, вокруг хранилища толкуются полицаи. Один из них, по всему виду, не самый последний по своему чину, достал фляжку, отвинтил пробку.

От него кругами стал исходить тяжелый сивушный запах. Мужик сделал из фляжки огромный глоток, передернулся, стянул с головы шапку-ушанку, вытер вспотевший лоб, и почему-то его лицо и коротко стриженные седые волосы показались ей странно знакомыми. Где-то она его совсем недавно, нет, только что видела.

Вжимаясь телом в колючий снег, она затаилась. Трескучий мороз. Невзирая на толстый бушлат, ей стало зябко. Но вот она дождалась своего часа и метнула бутылку с зажигательной смесью. Пламя резво взметнулось вверх, дохнуло на нее своим опаляющим дыханием, и ей снова стало тепло. Тепло и хорошо, безмятежно и спокойно...

Заскрипели тормоза, состав замедлил ход и остановился. Глянув в окно, Малахов резко поднялся и пошел к выходу. Открыл Жека дверь и прыгнул вниз, на землю. Оглянулся. Он не ошибся.

Станция Бородино. До боли знакомые ему места. Столько всяких и разных воспоминаний связано с ней, со станцией Бородино...

Откуда только село получило столь громкое название, он не знал и как-то об этом даже и не задумывался. Но именно отсюда он сам для себя лично отсчитывал начало своего становления как боевого офицера.

Именно здесь их курсантский дивизион впервые выгрузился по пути следования на Тарутинский общевойсковой полигон.

На тех тактических учениях с боевой стрельбой он понюхал порох и понял, что это его, это то, к чему он всегда подсознательно стремился.

Столько раз они здесь побывали, что уже и не счесть. Один раз всю ночь провели на железнодорожной рампе в ожидании состава. Поезд останавливался всего на две-три минутки. Не то, что сейчас. За то время сотня бойцов должна была успеть вскочить в двери вагона.

За спиной курсанта, мешая общему движению, болтался до отказа набитый вещмешок. Упорно цеплялся он за выступы притороченными к нему плащом и чулками ОЗК – общевойскового защитного комплекта. В правой руке бойца зажат боевой товарищ – автомат. Одно неловкое движение, и приклад норовил угодить по зубам другого товарища, того, что поднимался сзади. Цветочки. Все ягодки их ждали впереди.

Вагоны оказались набитыми другими пассажирами – гражданскими людьми, для которых появление четырех сотен чумазных вояк воистину явилось не слишком-то приятной неожиданностью. Ехали курсанты, стоя в проходах, тамбурах и даже туалетах. Всякое бывало...

Помнит он, как зимой на втором курсе они высаживались, следуя из Одессы, свежие, и встретили ожидающее погрузки побитое, иначе не сказать и иного слова не подобрать, войско выпускного дивизиона.

Куда, хотелось ему знать, девались присущие им гордость и спесь? Угрюмо поникшие плечи. Стыдливо опущенные головы. Обгоревшие валенки, шинели и шапки. В глазах выпускников видно одно лишь желание – поскорее избавиться от всего этого кошмара под названием зимние стрельбы. Кишка тонка оказалась у четвертого курса. Не выдержали испытание холодом и сломались, как сопливые пацаны.

А как много они о себе мнили. Как их все училищное начальство превозносило до небес. Многих из них он потом встречал в войсках. В частях из них непомерный гонор быстро вышибли.

Да, чего только не было. Если обо всем вспоминать, то и ночи не хватит, чтоб заново пережить. Каждый раз, проезжая мимо, он выходит тут и отдает дань прошедшим дням. Давно это было, но ему кажется, что случилось с ним только вчера. Как же хотелось ему снова вернуться в счастливые времена. Когда впереди светило яркое солнце надежды, и ни одного темного облачка не маячило на его небосклоне.

Тихонько зашел Малахов в купе и опустился на лавку. Знобко. На улице продрог, или их вагон остыл? Он кинул быстрый взгляд на свою соседку. Да нет, видно, вагонная печка остыла и больше не греет.

Девушка зябко поеживалась во сне, невольно собиралась в тугой клубок. Коленки почти достали до ее подбородка. Он покачал головой.

Одни вечером отказывались от одеяла. Тут как раз и второе не помешает. Жека осторожно укрыл крепко спящую красавицу, что-то так сильно переживающую во сне. Тени пробежали по ее лицу. Лобик ее морщился. Она беззвучно шептала...

Проснулась Оксана лишь под утро. Сильно озяб носик, а изо рта наружу вырвалось едва заметное облачко пара, когда она, распрямляя грудь, с силой выдохнула. Удивительно. Но не именно это, а вот другое поразило ее. Именно то, что она сама не мерзла, и было удивительнее всего. Холода она сама не ощущала. Ей было уютно и тепло.

Она скосила глаза на себя, и они побежали вдоль тела. Кто-то, видать, ночью заботливо укрыл ее одеялом. Да еще и не одним, а двумя.

Неужто, ее накрыл одеялами сосед? Эта не просыхающая пьянь способна еще на поступки джентльмена? Но и не проводница же ее, в конце концов-то, укрыла?! Чудеса в решете и не иначе...

За час до прибытия проснувшаяся хозяйка вагона подняла в своем сонном царстве этакый шум, что мигом поставила всех на ноги. Тут и мертвый проснулся бы от невообразимого гама и ее визгливого крика.

Сосед по купе промычал, недовольно поморщился. Поднялся он, сразу же потянулся рукой за бутылкой. Не открывая глаз, сосед выпил, пожевал губами, замер. Кожа на его лице разглаживалась, но щетина за прошедшую ночь стала еще страшнее. При дневном свете смотреть на человека стало до омерзения неприятно, если не сказать, что...

С облегчением подумала Оксана, что путешествие их подходит к концу. Осталось немного, капельку потерпеть, и она этого странного и противного типа никогда больше в своей жизни не увидит.

Сделав еще один глоток, Малахов оглянулся и ругнул себя за то, что в который уже раз не удержал себя в руках, не смог, и ночью до чертиков набрался. Всему этому виной были воспоминания о девочке с короткими косичками и эта женщина, ее настолько напоминающая.

Подумав, он издевательски усмехнулся. Конечно, сам он-то опять ни в чем не виноват. Во всем, как всегда, виноваты обстоятельства.

Его очень, надо сказать, удобная позиция по отношению к самому себе. И давно, интересно, он стал подобным образом сам себя во всем обстоятельно оправдывать и всячески выгораживать?

Может, и давно, может, и нет. С тех пор, как начал пить. И осталось ему определить, когда же он начал пить. Когда в первый раз в жизни выпил водочки на выпуске в суворовском училище?

Или же еще раньше, в классе шестом, на уборке картошки, когда с другом они прикупили бутылку самого дешевого кислого яблочного вина за рубль семнадцать, морщась, с отвращением, распили?

Или это случилось с ним намного позже, когда окончательно понял, что где-то по пути растерял все жизненные ценности и ориентиры, ни во что больше не верит и ни к чему не стремится?

Стараясь не смотреть в сторону, как он хорошо понял, целиком и полностью презиравшей его красивой женщины, Малахов проворно собрался и вышел из купе, предоставив спутнице полную свободу действий. Прошел подполковник в неслужебный тамбур и закурил.

Он и сам не мог понять и объяснить себе то, что сейчас делает. Зачем который месяц подряд он ездит сюда за тридевять земель?

Надо ему, в конце концов, на что-то решиться, плюнуть на все, написать рапорт об увольнении из этой армии и к чертовой матери! И, вообще-то, уволиться ему следовало еще много раньше, когда...

Показались знакомые постройки. Подъезжали. Тяжело вздохнув, пошел он забирать свою сумку, чтобы идти на выход, потом сесть на автобус и ехать на автовокзал. Как это все ему ужасно надоело!

– Может, вам помочь? – на всякий случай, спросил он, нисколько не сомневаясь в последующем ответе.

– Увольте, – казалось, женщина с неимоверным трудом разжала свои губы, – увольте меня от вашего присутствия. Вы чуть не отравили меня своим перегаром. Не знаю, как я пережила эту ночь. Надеюсь, что я больше никогда вас не увижу, – она горделиво вскинула голову и прямо и открыто посмотрела на него, целиком выплеснув весь заряд своей неприязни, и он сполна смог разглядеть ее глаза.

– Подумаешь, цаца какая! – вырвалось у него, скорее, по инерции, из-за злого расположения духа. – Да катись ты!..

В душе подполковник прекрасно понимал, что столь грубо было сказано им больше от испуга от сделанного им нечаянного открытия.

Вышла на привокзальную площадь Оксана и растерялась. Дырища! О чем еще можно говорить? Какая, к черту, цивилизация? Вспомнила она, что тут в свое время была окраина Российской империи, небольшой кусок земли, присоединенной к России трудами великого Суворова.

Но за прошедшие с той самой поры два века плоды просвещения и прогресса с превеликим трудом добирались до этих самых мест.

– Вот засада! – вполголоса ругнулась Сана.

Тихо падал снежок, все увеличивая размеры сугробов. Под ними вовсе не виднелась граница между тротуарами и проезжей частью.

– И куда, черт, идти? – капитан озадаченно моргнула.

Никак не наблюдалось знаков или указателей мест для остановок общественного транспорта. Где и какие маршруты проходят?

Местный люд сновал из стороны в сторону и по одним ему лишь известным признакам безошибочно находил нужный ему транспорт.

Подходил автобус. Из общей толпы отделялась кучка жаждущих куда-то добраться, бежала, штурмом брала открывшуюся дверь.

Счастливики чинно рассаживались. Те, кому тоже повезло, но чуть меньше, упорно втискивались в оставшееся между рядами кресел узкое пространство и утрамбовывались стоячими штабелями.

Остальные же, скрипя зубами, провожали отчаливающий автобус вконец обозленными глазами и ждали следующего.

Видала Оксана в своей жизни, но чтобы это такое. Она переходила с места на место, пыталась спрашивать, а от нее шарахались, молчали, отворачивались. Как будто настолько трудно было показать ей то место, откуда она смогла бы уехать из их невообразимого кавардака.

– Это полный писец! – в сердцах она притопнула ножкой.

Наконец, сердобольный старичок подсказал Оксане, какой группы людей ей надо держаться. С первой попытки в автобус она не попала.

Рафинированную городскую барышню на старте легко обошли немощные старушки, больно отпихивая ее в сторону своими худыми локотками, проявляя при посадке недюжинную выносливость.

– Вот те, ха-ха, и бабки! – Сана коротко хохотнула.

Кому как, а им больше всех требовалось ехать именно в то время, когда люд спешит на работу. Пользуясь бесплатным проездом, они с утра начинали ежедневный обход магазинов и рынков в поисках самого дешевого хлеба и всего прочего. И тем создавали невыносимую давку.

– Нет, чтоб переждать часок-другой! – Оксана качнула головой.

Потерпев обидную неудачу, капитан подобралась, настроила себя, и со второй попытки ей удалось найти себе нишу у самой подножки. Наполовину она стояла, наполовину висела. Одной рукой вцепилась она в поручень, а другой прижимала к себе сумку. Ту можно было бы и не держать. Устоять бы самой. А саквояж висел, зажатый телами.

– В тесноте, да не в обиде! – пошутили сбоку от Саны.

Двадцать минут, затейливо петляя, как заяц, старенький автобус, скрипя, пробирался по кривым, как турецкий ятаган, улочкам. Два раза капитан оказывалась на улице, когда стихия на остановке выносила ее вместе с собой, но Оксана упорно пробиралась вглубь салона.

– Врешь! Не возьмешь! – усмехалась она.

И в третий раз волна выплеснула Сану наружу. Толпа в мгновение ока рассыпалась, оставив ее стоять одну прямо посреди убранной от снега площадки, как поняла она, перед автостанцией.

Поймав ступор, капитан не сразу очнулась, пока тупое оцепенение, овладевшее ею, не спало. Первым делом капитан пробежалась вдоль выстроившихся в ряд автобусов.

Хотя бы здесь, на междугородних рейсах, положенные таблички выставили. Красный «ЛАЗ» осторожно сдавал назад.

Его дизель мягко постукивал на малых оборотах, мелькнуло перед глазами нужное ей название. И Оксана, опустив вниз сумку, усиленно замахала руками, всем своим видом умоляя прихватить с собой и ее. Сработали жажда наживы, желание заработать еще на одном «левом» пассажире. Водитель прищурился. Зашипел сжатый воздух. Створка дверцы нехотя вошла вовнутрь, и капитан вскочила на ступеньку, протиснулась в битком набитый салон, благодарно кивнула головой...

По вполне понятным причинам счастливо избежав ряда трудностей, Малахов вышел на конечной остановке автобуса и напрямик, не поднимая головы, направился в сторону платного туалета. Вынул он из сумки электробритву, со страдальческим выражением на лице принялся соскребать жесткую и неподдающуюся щетину.

Пять минут адских мучений, и он с удовлетворением смотрел на свое лицо, отражающееся в покрытом мелкой сетью паутины зеркале.

– Так-то оно выглядит лучше, – Жека качнул головой. – А то стал похож на страхолюдину. Людям приличным на глаза и то было стыдно показаться. А ехал ведь вместе с очень красивой женщиной...

Открыл мужчина краник с горячей водой, потрогал струю. Умылся он, привел себя в порядок и вышел на улицу. Быстро прошел Жека через весь городской рынок, расчетливо примкнувший одним своим боком к автовокзалу, пересек улицу, завернул за угол, толкнул дверь в заведение с облупившейся вывеской «Гостиница «Золотой колос».

Удобно устроились. Рядом с колхозным рынком ночлежка для тех самых тружеников полей. Малахова в ней хорошо знали.

Прошло пару минут, и без лишних и дополнительных вопросов он получил ключи от двухместного номера. Поднялся Жека на второй этаж, открыл дверь, окинул скучными глазами ставшую привычной и порядком надоевшую обстановку. Ничто за его недолгое отсутствие не изменилось. Да и не могло измениться.

Вытащив из сумки камуфляжную форму, Малахов переоделся. До развода оставалось двадцать три минуты. Скорым шагом дойти он успеет. Лишь в первый свой приезд Жека стоял, долго ждал рейсового автобуса. А нынче он вполне привык и проскакивал это расстояние, не замечая пути. И деньги в сохранности, и для здоровья польза...

Оставив свою сумку в камере хранения, Сана заспешила к штабу дивизии. Совсем чуточку, но капитан запаздывала. Предупрежденный Пичугин весьма снисходительно отнесся к тому, что прождал ее чуть дольше, чем он на то рассчитывал. Если к извечной женской привычке добавить незнание местных особенностей, то удивляться нечему. Они смогли быстро договориться и условиться о новой встрече...

Лишь часам к одиннадцати Малахов, наконец, добрался до своего родного кабинета и попал в него. Невыносимо трещала голова.

Хотелось одного – покоя и ничего большего. Жека закрыл дверь, с удобством присел, и тут, как будто только его прихода кто-то и ждал, резко и настойчиво затрезвонил зуммер полевого телефонного аппарата ТА-57. Сокрушенно вздохнув, он поднял трубку:

– Начальник отделения боевой подготовки бригады...

На том конце упорно молчали. Едва слышалось чье-то частое и прерывистое дыхание. Он стал догадываться о том, чье именно дыхание имеет счастье прослушивать. Усмехнувшись, подполковник пальчиком нажал на небольшой выступ под конус в углублении для трубки. Снова затрещал зуммер. Он отпустил свой палец.

– Жека, це я, Катя... Я по тебе истосковалась, – нежно полилось из черной трубки.

Задумчивая усмешка сдвинула мужские губы:

– Уже? Что-то быстро. Меня всего-то три дня не было.

– Три дня... всего... А для меня они привиделись целой вечностью. Я нынче дежурю. Ты заскочишь ко мне... в обед? Завернешь?

– Как скажешь...

Опустив трубку, Жека еще долго смотрел на телефон ничего не видящим взглядом. Все его мысли крутились там, в ночном поезде...

Долго и упорно кружила Оксана по центру города в безуспешных поисках свободного места в более-менее приличной гостинице. К полудню глаза указали, а ноги привели ее к «Золотому колосу».

Как когда-то все дороги в мире вели в Рим, так и здесь рано или поздно каждый приезжий, случайно оказавшийся в городе, заранее не успевший или предусмотрительно не позаботившийся о будущем месте проживания, приходил к дверям этого заведения и стучался в них.

– У нас одноместных номеров нет, – язвительно ответила женщина за окошечком. – Хотите жить в «люксе», топайте в «Измаил».

– Я там уже была, – Полищук тихо вздохнула.

– И что вам сказали? – сыронизировала молодящаяся дамочка.

Насмешливая улыбка пробежалась по ожившему лицу дежурной. Она могла бы и не спрашивать, но ритуал есть ритуал.

– Что мест у них нет... – последовал ожидаемый ответ.

– Так-так... – отстучала ручка по шербоной столешнице.

Видя неподдельное огорчение гражданочки, усмехнулась женщина с чуточку мстительным злорадством, но все ж констатировала факт с едва пробивающимся некоторым пониманием в голосе:

– Все равно все к нам приходят...

И у них всегда найдется местечко. Не всем, правда, нравится их заведение, похожее на захудалый постоялый двор. Да вот за неимением гербовой пишут на писчей. Если нет желания ночевать на улице, то волей-неволей приходится соглашаться на спартанские условия.

Все это Оксана успела прочитать в иронично-скучающих глазах дамы за стойкой, оценила свои шансы на приемлемый выход:

– А свободные двухместные у вас есть? Я оплачу за оба места...

Пусть оно, вырвалось у Саны вздохом, и станет ей в копеечку.

– Нет, – оглушила дежурный администратор, даже не уточняя свои возможности по расселению отдыхающих и лиц командировочных.

За долгие годы работы она знала каждый номер не хуже квартиры своей свекрови, переселиться в которую мечтала и не теряла надежды на освобождение вожделенной жилплощади после того, как злая и невыносимо сварливая старуха навечно переедет на местный погост.

– Утречком был. А сейчас во всех номерах живут. Всяк у нас хочет пожить с комфортом... – процедила дамочка и замолкла.

И ей хочется пожить в трехкомнатной хате со всеми удобствами в самом центре города, забыть о печном отоплении, угольной пыли.

– А подселиться к кому-нибудь можно? – настойчиво прервала полет ее мыслей приезжая фифочка.

Надежда у капитана угасала, таяла с каждым вопросом-ответом.

– Знаете, девушка, у нас живут в основном одни мужчины, – весьма уклончиво ответила дежурная администратор.

– То есть? – удивленно переспросила Оксана. – Женщин у вас не селят, что ли? Или вы хотите сказать...

Пропустив мимо ушей последнюю реплику, дамочка предложила:

– Мы можем подселить вас на время в один номер с мужчиной... – в общем-то, это, конечно, против правил, читалось в ее глазах. – Если вам до того приспичило, то мы пойдем вам навстречу. А там, может, что и освободится, – равнодушная ко всему на свете маска затянулась на лице за окошечком. – В ближайшем и обозримом будущем...

Глядя на нее, Оксана поняла, что этот, в общем-то, не сильно-то и гостеприимный работник гостиничного сервиса готов пойти, как сама о том говорит, на нарушение должностной инструкции лишь бы только заманить к себе дополнительного клиента. И выбора, по сути, нет. Не ночевать же на улице или на вокзале...

– И что вы мне предлагаете?

– В одном двухместном номере проживает подполковник. Вполне приличный человек. Вежливый, аккуратный. Возвращается с работы поздно. Частенько и вовсе ночевать не приходит. Особо не стеснит.

IV

По всему штабу бригады разнесся зычный, проникающий во все уголки голос весьма уверенного в себе человека. Малахов недовольно поморщился. Эдак о своем прибытии возвещал его непосредственный начальник, зам командира бригады подполковник Ильин.

Сколько он тут уже ни служил, но все никак не мог понять того, каким боком начальник боевой подготовки попал в прямое подчинение к заму по строю. Боевая подготовка – епархия начштаба.

И должен был он, Малахов, «пахать» в теснейшем взаимодействии с начальником организационно-мобилизационного отделения бригады, то бишь, с майором Сашей Гаврилюком, который, как оно и положено, напрямую подчинялся начальнику штаба.

Скорее всего, Ильин сам специально взял на себя несвойственные ему по должности функции, чтобы крепко держать в своих руках как можно больше рычагов управления, а, следовательно, и власти.

Хитрый и без края расчетливый подполковник, не обремененный излишними комплексами, исподволь готовился к тому, чтобы занять место командира. Комбриг Гришук поступал в академию Генштаба, и все усилия Ильина направились на то, чтобы сесть в его кресло.

Ничто, происходящее в бригаде, если оно не выходило за рамки, особо Гришука не интересовало. Кроме, конечно, подсобного хозяйства.

Теплица, курятник и свинарник волновали комбрига больше, чем загнанная в самый угол боевая подготовка, внутренний порядок в части и состояние воинской дисциплины.

Все излишки сбывались «налево». Так оно и было. Иначе, зачем же комбриг полностью дублировал всю работу своего зама по тылу?

Или не хотел с тем делиться, или же не доверял ему. Или они там вдвоем поделили сферы влияния, и каждый воровал на своем участке...

Начальник штаба бригады был на подходе к заслуженной пенсии и в настоящее время пребывал в очередном отпуске, неизвестно каким образом растянувшимся на два с половиной месяца. Сорок пять суток ему как «афганцу» полагались. Но откуда ж взялся еще один месяц?

Или он выписал себе отпускной билет на Сахалин и отправился в отпуск пешком? Что-то все равно гляделось нечисто. Но на то он и есть начштаба. И печать полковая всегда в его руках.

Подозревал Малахов, что стареющий подполковник, старательно прикрывающий лысый череп, начесывая на него редкие волосинки с висков и с боков, в прошлом году по частям освоил свой отпуск, но приказом по бригаде не оформлял, а нынче гуляет отпуск за два года. Иначе никакими другими выкладками этот парадокс не объяснить.

Один начальник отдыхал, устроив поистине «римские каникулы». Второй занимался исключительно решением сугубо личных проблем. И получилось, что Ильин потихоньку прибрал к рукам всю власть.

Нашел он себе нишу в жизни. Приказом по части его назначили командиром батальона молодого пополнения, где бравые десантники проходили курс молодого бойца и первоначальное обучение, охаживали самые первые азы воинской службы. Ильин являлся их полновластным хозяином и распоряжался ими по своему усмотрению.

Не для того ли ему, собственно, и понадобилось, чтоб весь процесс составления расписаний занятий по боевой подготовке всегда шел у него под контролем? Чтобы всегда вовремя вносить в него коррективы, ни с кем, кроме себя, изменений не согласовывая.

Каждое утро к ним приходили «покупатели», собирались кучкой в отдаленной курилке. Происходил развод на занятия, и рабочие команды отправлялись на заработки, естественно, не для самих себя.

А тут в их бригаду присылают Малахова, год назад окончившего адъюнктуру. И екнуло испуганно сердечко у Ильина, забилося.

Подумал, а как еще понимать, подполковник, что вновь прибывший офицер может перейти ему дорогу, и встретил настороженный и весь ощетилившийся зам комбрига своего боевого заместителя в штыки. И с первых же дней отношения у них не заладились.

– Евгений Павлович, ты что, уже на месте? – дверь приоткрылась, и явилась ехидно улыбающаяся физиономия. – Тебя не было три дня.

– Владимир Владимирович, – ради одного приличия привстав, не отвечая на заданный ему вопрос, спросил Малахов без всяких обиняков, – вы случайно не знаете, куда подевалась наша девушка? – он кивком головы показал на пустующее место рядом с собой.

– Никак она потерялась? – маленькие кругленькие глазки забежали, уклоняясь от встречи с взглядом, направленным на них в упор.

Недовольно поджимая тонкие губы, Ильин прошел к окну. Ловко, ловко, однако, получилось у его зама. Выкрутился шельмец. Сумел еще подковырнуть его своим вопросом, а сам ушел от ответа.

– Приказ на проведение завтрашних стрельб не мешало бы Рае подготовить, и он должен был бы уже лежать у меня на столе.

– Раечка, она отпросилась у меня до обеда, – глаза у Ильина, найдя точку опоры, остановились, застыли и остекленели. – Дома, говорит, у нее кругом проблемка. Я ее, сердешную, отпустил...

Неестественность и фальшь сквозили из уст зама комбрига, на что Малахов резонно заметил:

– Владимир Владимирович, у этого сержанта Ищенко начальником являюсь я. Не мне вам объяснять, что существует субординация.

– По давней привычке, – заюлил Ильин, прихваченный на месте. – Когда тебя у нас не было, она работала под моим непосредственным началом. Все время отпрашивалась она у меня. Привычка...

– От всех ненужных привычек надо вовремя избавляться, – буркнул Малахов себе под нос, когда дверь прикрылась.

Как-то Катя по большому секрету поведала ему о том, в чем именно кроется причина настолько весьма теплых отношений зама комбрига и младшего сержанта сверхсрочной службы Ищенко.

...Муж Раечки служил в бригаде начальником отделения кадров. В ноябре прошлого года готовились к очередной ротации личного состава двух доблестных украинских батальонов, входивших в контингент международных миротворческих сил в Югославии.

Шла обычная подспудная борьба за попадание в список. Майор Ищенко заявился в тот вечер домой в сильнейшем раздражении духа.

– Раечка, не выходит у меня ничего с этой командировкой, – со злостью отпихнул он в сторону приластившегося к нему котенка, и тот, отлетев в угол, обиженно мяукнул и поспешил укрыться за теплой и доброжелательной ногой хозяйки.

Майора можно было понять. Если у него, у кадровика, возникали определенные проблемы, то становилось ясно, какие же силы стоят за распределением имеющихся вакансий на места в миротворческом батальоне. Собственное бессилие и бесило его более всего.

– И что нам делать? – женщина взмахнула всполошенными руками. – Мы с тобой на нее сильно рассчитывали, влезли в долги...

Не стоило им забывать про то, что звание воина-интернационалиста сулило немало выгод и в будущем. Прибавка к пенсии, всевозможные льготы. Как же от всего взять и отказаться? Надеяться на следующий раз? Так такового раза может больше и не быть!

Пожевав нервными губами, муж неожиданно предложил:

– Раечка, ты это... шепнула бы на ушко своему начальнику. Его слово у нас многого стоит.

– Петя, да ты в своем уме? – жена постучала ноготком по его виску. – Да ты хоть понимаешь, что он может потребовать от меня взамен? И без того он ходит и пожирает меня своими глазенками. Так и норовит меня при каждом удобном случае тиснуть в уголочке...

– Вот и хорошо, – мужские глаза хищно сверкнули. – Значит, сразу он клюнет, стоворчивее станет.

– Ты что, Петька, – женские глаза изумленно расширились, – сам толкаешь меня к нему в постель?

Пренебрежительно махнув рукой, решив больше не церемониться, Ищенко сделал неожиданный выпад:

– Ладно, Райка, не убудет от тебя. Думаешь, я не в курсах, как ты своим подолом крутишь, с кем кувyrкаешься?

– Что-что? Что ты мелишь? – в одну секунду жена превратилась в разъяренную кошку. – Ты за свои слова ответишь! – готовая вцепиться, она в гневе наступала на мужа.

– Остынь, дура! – остановил ее смешок, с избытком переполненный едким сарказмом. – Чай, не в театре. Кто во время проверки ублажил члена комиссии? Он, скот, мне рассказал, расписал во всех красках...

– Я... – Раечка вмиг поникла. – Ну, может, чуточку пофлиртовала, перешла грань. Но главного – ни-ни, не далась я, нашла предлог и ушла. Противно мне было ложиться в постель со слюнявым толстячком.

– Будет, Райка. В курсах я всего, – муж ей не поверил, не в его интересах было. – Вспомни, Райка, и про другое. Думаешь, я не знаю, как ты, чем ты место в детсаде для ребенка пробила?

Загнанная в угол жена зажалась в виноватый комок, вцепилась в подлокотники кресла. И это все всплыло! А она надеялась, что никто и никогда не узнает про ее поход к начальнику КЭЧ гарнизона...

Серая жизнь в их гарнизоне, прилепившемся к провинциальному районному центру на самой окраине великой и огромной державы, была пресна и обыденна. И хотелось позволить себе чуточку расслабиться и «вильнуть», пока благоверный раскатывал где-то в командировке. И ничего плохого в кратковременных интрижках на стороне Рая не видала. Чтоб гульнуть, она выезжала в Измаил.

Стандартная программа. Дефиле по набережной, блиц-знакомство с мужчиной, ресторан. Роскошные цветы и изысканное угощение, плюс щедрые комплименты, волнующие ухаживания. Приглашение домой, на загородную дачу, в баню и в итоге обязательная близость, ради коей все и затевалось. Именно так она случайно встретила человека, который предложил, а потом и сам помог устроиться на сверхсрочную службу, подыскал ей тепленькое местечко при штабе 25-ой бригады.

Спустя годик по просьбе Раечки через него осуществили перевод старшего лейтенанта Ищенко в ту же самую бригаду на должность начальника строевого отделения. Муженек ее до сих пор все думает, что капитанские погоны он получил собственным горбом. Как же! Это ей пошли навстречу. А потому время от времени выполняла деликатные поручения она, когда к ним приезжали комиссии с проверкой.

Когда встал вопрос с садиком, женщина лишь на миг задумалась, потом позвонила своему другу. А тот направил ее к нужному человеку.

Хотелось бы ей знать, в какой мере благоверный информирован о другой стороне ее жизни. Но даже ей, неискушенной, казалось, что муж блефует и ведает не до того много, как пытается ей внушить.

Наверное, Ищенко посчитал, что разоблачений вполне достаточно, и на его лице появилась примирительная улыбка:

– Было это и прошло. С кем не бывает, все мы грешны на этой земле. А тут с пользой для дела. Я готов закрыть глаза на прошлые похождения, забыть. Деньжат подзаработаем, с долгами расплатимся. Ты носом-то своим не крути, а думай. Рай, ну, чего ты молчишь?

– И когда надо поговорить? – спросила жена в слабой надежде на то, что все может ограничиться одним лишь пустым разговором.

Большой любительницей самой близости она не была, куда больше ее влекла сама прелюдия, волнительная атмосфера захватывающего флирта, ожидание и предчувствие того, что должно будет неминуемо произойти. А тут ей прямоком предлагают пойти и лечь под мужчину. Может, все само и образуется, день-два пройдет, все станет на места.

– Еще вчера, – коротко ответил муж.

Рая поняла, что проблема сама не решится. И чем скорее взяться, тем быстрее все закончится, по крайней мере, что-то и определится. Ну, да и Бог с ним! Прав муженек, на кону стоит слишком много, чтобы...

– Я пойду, – она вскинула голову. – Но помни, что ты меня...

После долгого молчания Райка прошла в спальню, достала новое черное кружевное белье. Не обращая внимания на мужа, будто того и вовсе не стояло рядом, женщина небрежно скинула с себя халат, надела узкие полупрозрачные трусики. Райка неторопливыми и выверенными движениями застегнула весь открытый, безумно дорогуший кружевной бюстгальтер, который берегла для особого случая. Чутко подумав, она прихватила упаковку колгот и распечатала ее. Натянула на себя. Майор сглотнул набежавшую слюну. Столь эффектно выглядела жена. Черный цвет очень выгодно оттенял белизну хрупкого тела жены. Внутри у него тоскливо защемило. Сам, сам он толкает ее в пасть хищника.

– Райка, куда ты? – задал он, по сути, чисто риторический вопрос.

Жена стояла перед зеркалом, приблизив лицо к своему отражению, будто бы она хотела прочитать что-то в своих шальных глазах, и очень аккуратно подводила карандашом тонкие, красиво изогнутые брови.

– Оно! Оно еще спрашивает! – ядовито прошипела Рая. – А то ты, муженек, ничего не понял. Иду выполнять твое боевое задание. У него жена с ребенком уехала к родственникам.

– А ты-то... ты про это... откуда знаешь? – муж подозрительно покосился на принарядившуюся жену.

Подумалось ему, что это, на что он намекает, давно свершившийся факт и лишь он один, как в анекдоте, про подлую измену не ведает.

– Слыхала сегодня, как он по телефону болтал. В одном же с ним кабинете корпим, воздух втихаря портим...

Несколько мазков кисточкой, и тени так легли на глаза жены, как Ищенко ни разу еще не видел. Неброско, но выразительно. У них же в городке больше привыкли к яркой и безвкусной раскраске. Тоненько звякнув, по полу покатился оброненный тюбик губной помады.

– Зараза! Вечно, когда спешишь, все из рук валится...

А всему причиной поднимающееся волнение. Резко нагнувшись, Райка отставила свою потрясающе округлую попку. Тонкий черный нейлон со всей рельефностью обрисовал длинные и стройные ноги. Они эффектно соприкасались в щиколотках, икрах, коленях и посередине бедер. Выше начинался заметный просвет, чем выгодно подчеркивалась промежность, что безумно возбуждало большинство мужчин.

Не выдержав иезуитской пытки невероятным искушением, Ищенко неосознанным движением скользнул к жене, прижался к ней, ощущая ее выступающие тазовые кости. Он запустил руку под эластичную ткань, нащупал гладкую кожу и коротко подстриженные волосы.

Резко присев, женщина освободилась.

– Сдурел? Забыл, куда иду?

Извиваясь, она влезла в узкую длинную юбку, накинула тонкую и просвечивающую блузку, присев на тумбочку, натянула облегающие ноги сапожки, обмотала шею длинным шарфом.

– Сгинь с дороги. Что застыл, как соляной столб?

– Раечка...

Оттолкнув мужа в сторону, Рая схватила с вешалки дубленку. С силой хлопнула входная дверь, и стук каблучков, устремляясь вниз, вскоре затих. Озадаченно моргая, Ищенко замер. Как бы он, сам того не ожидая, не разбудил бы в жене спящего в ней джина. Чревато...

Быстро шагая, женщина ловко пробиралась между наваленными где попало кучами не убранного до конца снега. Злость и жгучая обида, кипящие внутри, наверное, под воздействием колючего леденящего ветра быстро выветрились. В душе осталось одно злорадство.

Ну, тем оно и лучше, что муж про все знает или догадывается. Значит, больше не надо ей мучиться угрызениями совести по поводу того, что она поступала и поступает по отношению к нему не совсем честно. А гнусное его предложение в корне меняет все дело.

Долго, не отнимая, она держала палец на кнопке звонка.

– Раечка, ты? – на заспанном лице Ильина отразилась крайняя степень удивления, когда он открыл дверь и увидел ее.

В женских глазах горела отчаянная решимость:

– Владимир Владимирович, мне треба с вами потолковать.

– Раечка, а до завтра отложить никак нельзя? – в мужском голосе скользнуло едва прикрытое недовольство.

Ему показалось, что опять что-то у нее случилось дома, заболел, по всей видимости, ребенок, вот и прибежала к нему отпрашиваться.

– Я пришла замолвить словечко за своего мужа.

– Ты, Раечка, пришла просить за мужа? – белесая бровь изогнулась вопросительным знаком, изобразив изумление и непонимание, а где-то в глубине серых глаз блеснула едва прикрытая безумная радость.

– Да, Владимир Владимирович...

Отступивший назад мужчина пристально посмотрел на женские кисти, которые на этот раз выражали полную покорность судьбе.

– Так... – многозначительно протянул он, – а Петька знает?

– Знает. Он сам меня до вас отослал...

– Проходи, – Ильин плотоядно улыбнулся, ибо ежели мужик сам послал свою благоверную, то сам Бог велел. – Давай, Раечка, я повешу, – он принял приталенную дубленку из ее рук.

Впервые Ищенко прошла куда-то дальше прихожей – раньше все ее разговоры со своим прямым начальником заканчивались именно там – и ахнула. Нет, живут же люди, устраиваются в жизни. Она слыхала, что Ильины обитают втроем в четырехкомнатной квартире.

Еще та, темная история была с ее получением. Но то дело прошлое. Поразили Раю не размеры квартиры, а обстановка. Дорогой по всем их меркам ремонт и явно недешевая мебель. А они с Петькой живут, как в собачьей конуре, и ничего лишнего позволить себе не могут.

– Раечка, ты у нас сегодня восхитительна, – хозяин прошелся по всей ее фигуре долгим оценивающим взглядом.

Обтягивающая длинная юбка с высоким вырезом, открывающим тугое бедро. Умопомрачительная вызывающе красная блузка. Сквозь нее призывно белело стройное тело, перетянутое черной узкой полоской почти ничего не скрывающего бюстгальтера. Рая готовилась к встрече.

– Я хочу тебе сказать, что наша форма тебя несколько не портит, но в этом ты неотразима. Я начинаю бояться, что ни в чем не смогу тебе отказать, – мужские глаза буквально пожирали ее, они бесцеремонно забирались под одежду, нагло раздевали.

– Я... я... – женщина не знала, как и с чего ей начать.

– Может, поставить тебе кофе? – оттягивая начало неприятного для нее разговора, мужчина галантно протянул ей руку помощи.

– Нет, не стоит. Я только из-за стола.

Дотронувшись до ее неуверенно опущенных плеч, он спросил:

– Что ж, может, перейдем к существу дела?

– Я хочу, – она мучительно сглотнула тягучую слюну, – чтобы...

– Я понял все, Раечка, – его пальцы неторопливо расстегнули одну пуговичку на прозрачной блузке, вторую...

Вот и сбылось то, о чем давно мечталось. Плод созрел и сам упал в его руки. Долго его помощница не принимала его знаки внимания. Но он-то знал, чем можно железно и быстро добиться ее расположения. Сам дал негласную команду чутко попридержать кандидатуру майора Ищенко. И вот она сама пришла к нему. Мужчина с удовольствием ласкал молодое тугое тело, которое непритворно изгибалось под ним...

Вернулась Рая домой поздней ночью. Муж сидел на кухне и нервно курил одну сигарету за другой, стряхивал пепел в жестяную банку из-под рыбных консервов. На столе наполовину опорожненная бутылка.

– Ну? – его красные воспаленные глаза устремились на жену.

– Сказал, что он все сделает... – шагнув к столу, Рая опорожнила бутылку в большой зеленоватый стакан, подняла, глянула на мужа отчаянными горящими глазами, не отрываясь, жадно влила в себя обжигающую жидкость, закашлялась, с трудом отдышалась.

– Раечка, а...

Перед носом майора вытянулась протестующая кисть:

– Более ты ни про что меня не проси. Я устала и иду спать. Знаешь, Петя, ты сегодня постели себе тут, на кухне. Видеть тебя пока больше не могу. Сгинь от меня, пожалуйста... Пошел вон!

И Ильин свое слово сдержал. Фамилия майора Ищенко попала в окончательные списки, и он через две недели уехал, на полгода оставив жену одну. Впрочем, одна она не осталась. Ильин всегда был рядом, время от времени утешал, охотно разгонял накапливающуюся женскую тоску по крепкому мужскому плечу.

С того дня подполковник всегда шел ей навстречу, охотно отпускал со службы пораньше. Он больше не обременял ее излишней работой, переложил кое-какие ее обязанности на плечи девочек из машбюро...

Понял Малахов, раз уж в штабе появился Ильин, то ему самому тут делать больше нечего, да и не даст того два раза стукнутый об землю, контуженый на голову десантник. Сейчас зам обежит все кабинеты и вернется, усядется за стол и с умным видом начнет рассуждать об...

В две секунды подполковник уяснил, что пора ему уходить, пока тот снова не принялся выяснять причины его отсутствия. Хотя, чего ему бояться? Отсутствовал он законно, по болезни.

Правда, в Одессу он выехал без разрешения. Да и то, как на все это дело посмотреть. Его рапорт со справкой лежал на столе...

– Владимир Владимирович, – Жека нашел Ильина в орг-моб отделе, – я на ВДК, посмотрю, как ВДП проводят...

– Иди-иди, Евгений Павлович, прогуляйся. И легкие свои заодно проветри. А то ты надышал в кабинете, что не продохнуть, – ядовито подметил Ильин, тонко намекая на его похмельное состояние.

Не ответив, Малахов развернулся и вышел. Учужал-таки, черт! Да и как тут и на самом-то деле не учужать. Сам он чувствует, что разит, как от винной бочки. И голова у него невыносимо трещит. Организм самым настоящим образом требовал очередной дозы. Привык к допингу родимый, без того зелья уже не может жить.

– Сколько в той жизни осталось... – хмыкнул подполковник.

Махнув рукой, Жека свернул с дороги, ведущей на воздушно-десантный комплекс. Никуда от него воздушно-десантная подготовка не денется. Вышел он в город через второе КПП и скорым пружинистым шагом направился к кафе «Мечта». Давно Малахов замечал за собой, что почему-то именно в ту сторону ноги несут его охотнее, чем куда-либо. Сами летят и дороги туда не спрашивают.

Зашел он в небольшую пристройку к панельной пятиэтажке. Когда в кафе не приди, вечно тут народ толчется. Выходит, что это сейчас в стране самый прибыльный бизнес. Всяк свою последнюю копейку сюда несет. И он, чего уж тут стесняться, не исключение.

– Девушка, мне, пожалуйста... – Малахов заказал себе сто грамм.

Не отходя от кассы, он выпил, ловко подцепил кусочек соленого огурчика, улыбнулся приветливой продавщице и вышел. Вдохнул всей грудью свежий воздух, и в глазах забегали искорки. Или от ударившего в глаза яркого света, или же кровяное давление начало играть...

– С утра тяпнул – весь день в радость... – веско резюмировал он.

И пяти минут не прошло, как он намного бодрее шагал на ВДК. На душе на какое-то время стало легче. Давно поселившаяся где-то внутри тревога временно отступила, рассеялась, расплылась по всем уголкам.

Неотступное чувство вины, постоянно преследующее его, вины непонятно, за что и перед кем, хоть ненамного, но притупилось.

Что тут только и ни говорил бы он в свое оправдание – налицо все последствия неоправданно неумеренного потребления им спиртного.

И сам он прекрасно знал, что именно оно, а ничто другое, медленно и уверенно разрушало психику. Происходило постепенное привыкание к тому самому бодрящему чувству, что лишь на малое время приходит после очередного вливания. Но оно, к сожалению, быстро исчезает, и снова наступают неизбежная депрессия и полный упадок сил.

Снова становилось плохо, страшно, тревожно. Непомерно тяжелым грузом начинало давить чувство вины. И всю процедуру приходилось повторять, жить без допинга стало невозможно.

– Идут плановые занятия по укладке парашюта, – доложили ему.

– Как дела, Роман Николаевич? – Малахов с удовольствием крепко пожал протянутую руку главного специалиста по десантированию.

– Дела, как сажа бела, – ответил начальник ВДП. – Вот, видишь, чем мы вынуждены заниматься?

– А чем вы занимаетесь? – артиллерист Малахов еще не очень-то разбирался во всех их летательных и прыгающих премудростях.

Вот ежели бы ему поставили бы задачу, как говорится, попасть из миномета в печную трубу, то, пожалуйста, это он еще «может».

Но уложить по всем правилам парашют – для него целое искусство. Быть специалистом во всех мыслимых и немыслимых областях просто невозможно. Одни хорошо разбираются в этом, а ему нет равных в другом. Каждому – свое. *Jedem das seine*, как сказали бы немцы.

– Тренируемся в укладке никуда не годных парашютов. Ко мне за шесть лет после развала Союза ни одного нового не поступило.

Что-то в ответе главного десантника не было с его собственными на этот счет представлениями, и Малахов позволил себе усомниться:

– А я, Николаевич, когда был на совещании в дивизии, слышал, что за последние два года пятьдесят процентов старых парашютов заменили новыми, более современными образцами.

В сердцах сплюнув, Кондрашов быстро развеял его иллюзии:

– Они на бумаге у себя поменяли. А деньги ушли. Скоро и прыгать будет не с чем. Хотя, признаться, и прыжков-то нет.

– Как же нет? – снова удивился Малахов. – В прошлом году по всем отчетам программа выполнена на девяносто с хвостиком процентов.

– Палыч-Палыч, – Кондрашов покачал головой. – Ты еще веришь их отчетам? За весь период обучения дадут пару раз по одному, от силы, может, по два «борта». Сколько тут человек успеет прыгнуть? Многие, отслужив «срочную», уходят, ни разу не прыгнув.

– Но дома все будут хвастать, что раз десять за кольцо дергали... И соответствующий значок на грудь свою широкую нацепят.

– А какой же он тогда, к черту, десантник? Так себе... обычная пехота. У нас и офицеры свою положенную им норму не выполняют, теряют квалификацию, теряют надбавки.

Пошарив в необъятных отсеках своей памяти, Малахов нашел то, что он там искал, задумчиво произнес:

– А в ведомости за прошлые полгода Гришук и Ильин совершили по четыре прыжка. Или они за всех сами отпрыгали, или все это...

– А, «липа» все, – подтвердил его догадку Кондрашов. – Это, чтобы у них выслуга лет год за полтора шла и денежная надбавка за прыжки. Ты мне не поверишь, Палыч, но Гришук стал классным специалистом-инструктором. Но опять же все на бумаге. А вот на деле. Он же тоже, как и ты, артиллерист. Коломну заканчивал.

– У них училище с десантным уклоном...

Главный десантник громко рассмеялся и голосом, полным едкого сарказма, произнес то, о чем Малахов и сам в душе догадывался:

– Не знаю я, Палыч, что у них там и с каким уклоном и куда. Но он, как знающие люди говорят, ни в вашем деле особо не фурычил, ни в моем деле толком не разбирается. Придет он ко мне, сделает умное и многозначительное лицо, руками поводит и уходит...

Сорвав былинку, Малахов смотрел на то, как по ней карабкается божья коровка. Видно, готовясь к десантированию, она ищет удобную площадку. В свое время Гришук такую себе нашел и окопался.

– Однако, Николаевич, оно не помешало ему стать комбригом.

– Тут, Палыч, у нас сильно много ума-то не надо. Тут оно главное – вовремя и перед кем надо проявить свое рвение. Да и время тогда такое было. Развал армии, полная неразбериха с кадрами. Многие, кто еще что-то из себя представлял, уехали в Россию... Осталось одно оно – то самое никому ненужное...но... Если учесть, что десантное училище было одно и находилось оно в Рязани, то смело можно предположить, что основная масса офицеров именно из тех мест. А хохлы в основной своей массе шли в артиллерию. Из пяти училищ три на Украине находились. То-то и ты сюда к нам попал... Из артиллерии в воздушную пехоту, поменял шило на мыло...

В ответ Жека смущенно пожал плечом:

– Долгая история, Николаевич. Труден и долг был наш путь... И столько горьких ошибок на нем совершено...

– Верно, Палыч, сказал. Каждый из нас шел своим долгим путем, не всегда им самим выбранным. Гришук на этой самой волне и скакнул. Может, кто ему помог. Сам он про то ни за что не скажет. Ты объясни, как в России Грачев стал Министром обороны? – спросил главный десантник, когда они зашли в небольшой кабинет в крытом ангаре.

Услышав птичью фамилию человека всего несколько годков назад командовавшего дивизией и сделавшего головокружительную карьеру, Малахов неопределенно пожал плечами:

– Слышал я что-то от своих однокашников такое. Но... судить не берусь... Слишком далек от тех кругов. За одним столом с ними не сидел. Пуд соли не съел. В души к ним не заглядывал. Хотя, очи мне его не нравились. Мутные у него зенки...

В глазах Кондрашова забегали вызывающе лукавые чертики:

– Постой, Палыч. Ты мне не поверишь, а я его знал. Как сейчас мы с тобой, я с ним за столом сидел. В России что, никого поумнее и поспособнее Паши не нашлось? Чего стоил им один штурм Грозного? Уважающий себя человек сразу в отставку после такого позора подал бы, а с этого как с гуся вода. Ты, Палыч, не знаешь, почему ему русские дали кличку Паша-Мерседес?

– Тебе, Николаевич, по порядку ответить или уж как придется? Раз пошла такая пьянка, то найдется, что по этому поводу сказать.

– А как сможешь...

– Пашкой-Мерседесом он стал после того, как обнаружилось, что во время вывода наших войск из Германии, министру транспортными самолетами доставляли новенькие машины. А за что такие подарки ему, убей меня, не знаю... В такие тонкости нас не посвящали.

– Ну, это, Палыч, – осклабился начальник ВДП, – на него похоже. Мимо плохо лежащего он никогда не проходил. Греб под себя все со страшной силой и без всякого зазрения совести...

– Тебе, Николаевич, – иронично хмыкнул Малахов, – лучше знать. А Министром обороны Пашка стал за личную преданность будущему Президенту во время Августовского Путча в 91-ом году...

Не ведали они, что Грачев не выполнил отданный ему приказ, а сам вскоре появился возле Бориса Николаевича. Сделал для себя нелегкий выбор и, как оказалось, не прогадал. Из командира дивизии махнул в Министры. Поставил все в рулетку на одного человека и выиграл.

Одних у них за невыполнение приказа судят, других – в Министры. Одних за нарушение всех законов и совершенный ими государственный переворот судят и вешают, а иных – в Президенты... По воле рока...

– Вот и у нас. Кто и о чем думал, когда шабаш творился. Если они у нас, – Кондрашов посмотрел вверх, – вообще о чем-то думают, кроме того, как разворовать все, что у нас есть. Знаешь, у меня создается ощущение, что скоро наступит конец света, что мир наш сошел с ума. Всяк, у кого есть возможность, старается урвать. Как еврей, если и не сможет съесть яблоки, то все их надкусает, чтобы другим не достались. Пир во время чумы, и только. Скоро конец света наступит...

Разгоряченный Кондрашов поднялся, прошелся по кабинету, сам своим мыслям усмехнулся, нагнулся, и в его руках оказалась бутылка водки и два стаканчика. Молча разлил. Поднял свой гранчак. Показал глазами Малахову на его стакан.

– Ты говоришь про парашюты. Да, мы их каждый год списываем. Были у меня в «НЗ» новые. Но их у меня забирали, а обратно вместо них возвращали мне списанные. Вот и получалось, что новые уходили, а старые оставались. И никуда не сунешься. Нигде ответа не получишь. Каждый сидит на своем месте, гребет под себя. Зам по тылу, к примеру, все горючее держит на одном складе, чтобы всегда было под контролем. Чтобы никто, кроме него, воровать не мог. Заливают в бак по двадцать литров, а записывают в путевой лист по пятьдесят, а то и по сто литров. И попробуй вякнуть... А вся техника в парках стоит с сухими баками... Стоит и по тревоге никуда не выйдет. И по тревоге, и так не выйдет. Помнишь, как в Союзе возвращались с учений, с любого выезда, прежде всего, заправлялись под завязку? Боевая готовность стояла на первом месте. А наша армия нужна только для того, чтобы «эти», пользуясь своим служебным положением, могли беззастенчиво на ней наживаться. На стрельбище уже был?

– Как же, не раз уже...

– Аккурат перед самым развалом Союза учебный корпус отгрохали всем на загляденье. Командующий округом совещание проводил со всеми командирами частей. Специализированные классы оборудовали. По стрелковой подготовке, по тактической. БМД одна стояла в разрезе.

Помня, что в 88-ом тут, на территории Одесского военного округа, проводились последние крупномасштабные учения, на которых сам Горбачев присутствовал, Малахов озадаченно качнул головой:

– Не видел я в поле ничего похожее. В смысле корпуса...

– Стояло до поры и до времени. Сначала сняли полы и потолки. Потом не стало окон. Следом исчезла крыша. Стены по кирпичику, один к одному, разобрали. Аккуратно разобрали. Был бы кто-то чужой, то торопился бы, действовал с оглядкой. А тут нет. Значит, команда с самого верху пошла. Так вот оно где, оказывается, сидит «враг народа», – Кондрашов усмехнулся. – Осталось только вычислить его, супостата.

Недолго думая, Жека нацелился своим указательным пальцем:

– За полигон зам командира дивизии Дубовой отвечает?

– Он самый. Вкупе со всеми остальными и с нашим Ильиным. А ты глянь на нашего командира дивизии генерала Бабича. С ним постоянно два мордоворота, на лицах которых написано, что они спустились с Кавказских гор. Чем он занимается? Вечно он в разъездах. К нему не подступишься. Окружил себя непроходимой стеной. Сами творят по кругу одни безобразия, а берутся судить других. Создали ГКЧП. Так называемая гарнизонная комиссия по расследованию чрезвычайных происшествий. Устроили свое судилище. Рассуждают о нравственности, нормах морали и права. Сами сплошь и рядом воруют, сами развели коррупцию, протекционизм. Ханжи и лицемеры...

– Ты, Роман Николаевич... – Малахов задумчиво водил пальцем по краю гранчака, – а ты не боишься, что я тебя этого и того...

– Ты? – глядя на него, начальник ВДП грустно усмехнулся. – Ты... нет, – он покачал головой. – Ты на этакую подлянку не способен.

Качая в пальцах опорожненный стакан, Малахов прищурился:

– Откуда такая уверенность?

– Ты, Палыч, за все это время комбригу еще ни одной докладной записки ни про кого не настроил. Ни на одном совещании ни одного командира, ни одного начальника службы не поднял и не подставил перед комбригом. Хотя запросто мог бы сделать. Мог?

– Мог, конечно, – Малахов пожал плечами. – Но зачем?

Не стал Жека особо распространяться о том, что у него свои методы работы, нравятся они кому-то или нет.

– Вот-вот, мог. И не один раз. Стараешься все сам всегда и везде во всем разобраться и добиться исполнения. Жалеешь ты их. Но не все у нас правильно понимают. Многие люди принимают за твою слабость. Привыкли, что их вкладывают и без этого не могут работать. Хорошего обращения к себе они не понимают. А Ильин напрямую обо всем в дивизию стучит. Открытым кодом на всех замов, на комбрига строчит...

– Зачем? – удивленно моргнул неприятно пораженный Малахов. – Вроде бы, ему как ни к чему. А как же честь бригады? Или ему на нее наплевать? У него, у Ильина, совсем другие идеалы?

– Себя Ильин хорошеньким перед начальниками выставляет. И под комбрига яму он эдак, на всякий случай, копает. Не поступит Грищук в академию, Ильин и в этом случае будет претендовать на его кресло. В борьбе за место под солнцем для них все средства хороши...

Занятия подошли к концу, и Малахов вернулся к штабу, подошел к его двухэтажному зданию из красного кирпича с тыльной стороны и позвонил в дверь, ведущую в полуподвальное помещение.

– Жека, ты? – послышался далекий женский голос.

Глухо стукнули тяжелые запоры, и оббитая железом дверь чуток приоткрылась. Мелькнула радостная улыбка на миловидном, а если хорошенько приглядеться, то на очаровательном личике, лишь немного подпорченным чересчур уж кричащим макияжем. Непременная дань местной моде. Боевой окрас индейца, вышедшего на тропу войны.

– Привет, Катюша. Как идут дела у детей подземелья?

– Истомились мы без тебя, – проворковал грудной голос.

– Скучали они, – Жека ласково провел пальчиком по ее щеке.

Оказавшись внутри, Малахов остановился рядом с коммутатором.

– Что у нас есть новенького? – прищурился он.

– А ничегошеньки не слышать, – Катя пожалала плечами. – Тереп вон шарит с утра нашего вооруженца. Оно не может до того достучаться.

– Интересно как... – подполковник задумчиво прищурился. – И что нужно начальнику штаба дивизии от скромного майора?

– А ты топай, требуй у них. У них тут, разумеешь, какие-то свои sprawy. Частенько они друг с другом созваниваются, о чем непонятно они толкуют. Да что мы все о них? Жека...

Волнуя-волнуя его своим откровенно зовущим взглядом, женщина приблизилась на крайне опасное расстояние:

– Жека, обыми меня...

– Как, прямо здесь? – пожимая озадаченно плечами, Малахов обвел комнату быстрым взглядом и остановил на Кате свои спокойные глаза, лишь там, в черной бездонной глубине которых, угадывались веселые искорки. – Тут вот мне и обнять тебя, и...

– А что?.. – разудало вылетело ему в ответ.

Женские глаза ничего не прятали, они так и играли, так и играли.

– Время обеда. Дверь изнутри затворяется. Туточки у нас и кушетка мягкая водится в комнате для отдыха, – горячо шепнула она, скидывая с себя камуфляжную куртку, под которой у нее ничего другого не было – и когда успела снять? Видно, перед его приходом, ждала!

– Катя! – выдохнул он, и глаза его мигом вспыхнули.

– Я тебя эдак поджидала, эдак поджидала. Ну, что ты стоишь? – она тяжело дышала и расстегивала ремень на брюках. – Ходи до меня...

Горячие мужские руки прошли по женским плечам, задержались на груди, и она изогнулась от острого, тянущего все жилы томительного чувства. Ласковые губы приблизились, поцеловали по очереди глазки, носик, нашли теплые губы. Терпеть и далее сил у нее не осталось. Женщина опустилась на кушетку и потянула его за собой...

– Почто мне ни с кем эдак не ладно, як всякий раз с тобой?

– Не знаю, Катя, – он прикрыл глаза.

Сердце в его груди стучало, как после кросса на три тысячи метров.

– Нет, ты ведаешь...

– Может быть, Катя, – мужчина с усмешкой дотронулся пальцем до обиженно сложенных губок, – они искали в тебе одни наслаждения, но сами доставить тебе его не желали, не хотели, а может, просто не умели. Или все сразу и вместе взятое...

– А ты... жаждешь? Я полагала сказать, что попробуешь дать его?

– Да. Я считаю, что в этих отношениях главное – вырвать из уст лежащей перед тобой женщины радостный стон полного счастья. Самое высшее наслаждение состоит именно в том, чтоб доставить радость и наслаждение своему партнеру, а не самому себе, как у нас думают...

Смахивая с лица усмешку, Жека вздохнул. Вот и вся разница или две большие разницы, как сказали бы на одесском Привозе...

– Ты, Жека, ты какой-то не этакой, – Катя в упор смотрела на него своими задумчивыми глазами.

– Какой еще не такой? – его глаза, подыгрывая ей, расширились.

Водя ладошкой по мужской груди, она покачивала головой:

– Ты – иной. Ты мыслишь вовсе не эдак, как наши мужики. Может, потому все наши бабы косятся в твою сторону и облизывают губы.

В душе польщенный, он все же скептически хмыкнул:

– Ну, допустим, что не все. Есть и особи, что смотрят исподлобья, с трудом сдерживают язвенное раздражение...

– Ты про Райку? Она, бедная, как связалась с на голову стукнутым, и сама чокнутой стала. Стучит втихаря на всех и по кругу...

Второй раз за короткий промежуток времени услышав про стук, Малахов приоткрыл один глаз и внимательно посмотрел на Катю.

– Да, стучит. Факт точный. И на тебя, кстати, тоже. Все Ильину про тебя доносит. Когда ты на службу с запахом притопал, когда и с кем ты во время рабочего дня стопочку дернул...

Досадливо крякнув, мужчина одним пальцем развернул женский подбородок к себе, пытаясь прищуриться:

– Ты все сама сейчас придумала, или тебе про то вещун шепнул?

– Девчонка одна из машбюро сболтнула мне, когда до самой ночи корпела и отстукивала Райкину, не выполненную вовремя, вещь.

– Пусть, – он pokrивился, и глаз его снова прикрылся.

В его голове сложилась ясная картинка. Значит, так оно и есть, все укладывается в логическую цепочку, и пазлы все выстроились.

– Мне все равно. Пускай стучит...

– Жека, ты и, правда, почто эдак много пьешь?

– Я, Катюша, иначе не могу, – он нашел ее ладонь и крепко сжал. – Если я вовремя не выпью, мне становится страшно. Я боюсь сойти с ума от разных мыслей. И я уйду от них и прячусь за непроницаемую и глухую ширму. Когда я трезвый, то вздрагиваю от каждого шороха.

– Ты? – женские брови недоверчиво взметнулись вверх.

– Я, Катя. А ты, небось, думала, что я...

Напрасно, скользнуло в его глазах, некоторые так думают. Увы!

– Мне всегда гляделось, что у тебя железные нервы.

– Все, что ты видишь во мне, – маска, всего лишь одна маска. А за ней уже ничего хорошего не осталось. Одна лишь пустота. И больше ничего. Внутри у меня все пусто, и нет ничего такого, ради чего стоило бы и дальше тянуть смертельно опостылевшую жизненную лямку.

– Жека, ты через край учился. Почто в нашем мире устроено все несправедливо? Одним – все, а другим – несчастные крохи...

– Катюша, милая, – он качнул головой, – ты задаешь мне вопрос, над разрешением которого люди бьются уже не одно тысячелетие.

– Жека, а все же. Ты, будь ласка, не тикай от ответа.

Поддаваясь давлению нежно теребящих требовательных пальчиков, мужчина вздохнул, шевельнул губами:

– Катя, то выйдет длинная и очень грустная история.

– А ты, – она лукаво улыбнулась, – покороче и повеселее.

Вздохнув, Малахов постарался сократить рассказ:

– Тут дело в том, что люди – это творение самой природы. И надо сказать, что не самое худшее. И нам присущи все качества, которыми вкупе обладают остальные обитатели нашей Земли. И тут честность, и справедливость в том ряду, увы, не первые и даже не вторые...

– И что?

– Беда-то вся в том, что в природе выживает сильнейший. Что не означает, к глубокому сожалению, что он окажется лучшим. Вся наша история, Катя, свидетельствует, что к власти всегда приходили люди, которых, как правило, больше всего интересовали не благополучие и благосостояние своих сородичей, своего народа, своего государства, а достижение своих личных амбиций...

Наверное, кого-то плохо учили в школе, и она наивно спросила:

– Жека, а вот мы там... обитали при коммунизме.

– Мы все, Катюша, – Малахов не удержался от широкой улыбки, – жили при продекларированном развитии социализме. Если разобраться, у нас имелась смесь несовместимого. Вот в Швеции была построена модель своего социализма, отличного от нашего, но куда более близкого к самому определению этого явления.

Немало удивленные женские реснички изумленно заколыхались:

– Жека, но у них же капиталистическая страна. Как же, интересно, возможно сочетать несовместимые понятия?

– У нас что, с тобой сегодня урок по политэкономии? – Малахов ласково дотронулся до покрасневшей женской щеки.

– Жека, но эдак занятно...

На него смотрели так мило и с такой мольбой, что он продолжил:

– Тут все заключается в разности подхода к самому понятию. У нас в основу всего была заложена общественная собственность. А раз все общее, то, значит, оно ничье. Так нельзя. Это создает предпосылки для всякого рода злоупотреблений при распределении результатов труда. Кто ближе стоял к государственной кормушке, тот и старался побольше наворовать. А в Швеции под социализмом понимают создание самих социальных условий для жизни людей. Медицинское обеспечение, пособия, пенсии. И гарантии со стороны государства на все это...

Разобравшись с одним, женщина перекинулась на другое:

– Жека, а болтали, что ежели мы отгородимся от России, то сразу же начнем жить, как у Бога за пазухой.

– О-о-о, этот вопрос еще сложнее.

– И почто? – хлопнули мило реснички.

– Те, кто рьяно ратовал за отсоединение, кричал не для блага своего народа, а чтобы еще ближе стоять к кормушке, к кормилам власти. Уйдя от влияния центра, они сами стали верховными правителями. Рулили, не боясь грозного окрика с Москвы. Ничего, в принципе, не изменилось. Вся эта новая клика пришла, чтобы прочно прибрать к своим рукам все богатства доставшейся им суверенной страны...

Видно, зря он приплел в свой рассказ слова о суверенитете, и тут же в мгновение ока заполучил новую проблему.

– Жека, постой-постой. Но ведь, Жека, Украина мала право на свою самостоятельность? – выпалила Катя.

По горящим глазам женщины было видно, что эту самую мысль в ее головушку некто давно уже и со всем старанием вбил.

– Да. Ибо оно было прописано в Конституции. Но, по сути, русские и украинцы – один народ. И само-то название Русь пошло именно с Киева. Была Киевская Русь. Одно огромное государство. И не делилось оно на русских, украинцев, белорусов...

– Это як?

– Катюша, ты у нас в школе, вообще-то, училась?

Задав столь нелепый вопрос, он с улыбкой посмотрел на нее.

– Кажись, ходила...

– Ходила одна. Если бы не некие исторические события, то центр великого русского государства именно там, в Киеве, возможно, до сих пор и оставался бы.

– В Киеве? – удивленно раскрылись женские глазки.

– Именно там. Что, интересно, Киев говорил бы, если бы от него захотела отделиться Владимирская область, в ту пору еще княжество?

Вдобавок Жека поведал про то, как исторически оно сложилось, что Киевская Русь после страшного нашествия Батыя, как одно единое государство, перестало существовать, раздробилось на мелкие части. Юг страны постепенно подпал под власть Польши и Литвы. А на Севере под гнетом орды в междоусобной борьбе между Владимиром и Тверью на главенствующую роль постепенно выдвинулась Москва в силу своего крайне выгодного географического положения...

И тут ему затруднительно вышло сказать, кто из князей был прав. И те и другие пользовались помощью татар. Вместе с ними ходили на своих ближайших и дальних соседей...

– А про Хмельницкого бают, что он...

– И Богдан Хмельницкий был тот еще лис. В союзе с крымскими татарами ходил он войной на Польшу. Объединившись с поляками и с крымчаками, воевал против России. Крутился, как мог, пока польский круль в союзе с крымским ханом так не прижал бедного гетмана, что он кинулся в ножки к русскому царю Алексею Михайловичу Тишайшему, просил о присоединении Малороссии к Московскому государству. Да и само-то название Украина пошло от того, что эти самые области стали окраиной всей большой земли русской.

Недоверчивая улыбка мило скользнула по раскрывшимся губкам:

– А нам, Жека, наш Батюк на занятиях трошки не эдак вещает.

– Ну, каждый понимает историю на свой лад, так, как ему удобно и выгодно. По большому счету, Украина самостоятельной-то никогда не была. А эта идея сидела в головах националистов, занесенная сюда с Польши, которая всегда хотела видеть Украину своей частью или, на худой конец, зависимой колонией. Дай полякам власть, они мигом скрутили бы хохлов в бараний рог, что уже случалось и не один раз...

– Ты эдак мнишь?

– Да, я так думаю. И это, конечно же, мое личное, может быть, отличное от других мнение по этому вопросу. Большевики заложили бомбу своей национальной политикой. Она и рванула...

Минутку Катя помолчала, потом задвигалась, скользнула по его телу и устроилась сверху. Постепенно Малахов почувствовал на себе нарастающее колебательное движение ее крепких бедер.

– Девочка, ты чего тут творишь? – он поймал ее руки, и их пальцы скрестились в замок.

– Жека, я хочу еще, – горячо и призывно выдохнула она.

– М-м-м? – в уголках его губ появилась ироничная улыбка.

– Мне... мне не хватило.

– Эка, какие же мы ненасытные, – он, поддразнивая ее, покачал головой. – Я те уже не мальчик и на такие подвиги не способен.

– Тихо, Жека, ты... не отвлекайся. Ой, Жека! Ой, о-о-о... а-а-а...

Крупные капли пота обильно текли по ее лицу, подбородку, шее. Они собирались в узкий ручеек и скатывались промеж двух бурно вздымающихся холмиков.

– Я утекла до раю, не шukaйте мене...

Приподняв женский подбородок, мужчина заглянул в ее глаза:

– Ты же хотела сбегать, покормить сына...

Иронически кривя губы, Малахов смотрел на женщину в упор.

– Ой, и воистину! – Катя взмахнула руками и вскочила. – Мать именуется. Вовсе тут с тобой про дитя...

Вскочив, она суматошно принялась за поиски деталей скромного туалета, бесстыдно сверкая наготой перед мужскими глазами.

– Эх ты, мамаша, – он укоризненно покачал головой. – Катя, а отец сам своего сына покормить уже не в состоянии? Насколько я понял, вы, хоть с ним и развелись, живете вместе в одной квартире?

Натягивая на себя простенькие трусики, женщина неопределенно и даже больше смущенно пожала плечами:

– Вместе. Но он зараз, небось, вдрызг пьяный валяется.

– Так он же у тебя не работает. Откуда у него деньги на выпивку? – удивленно потянулся глазами Малахов.

Застегивая ремень на камуфляжных брюках, Катя фыркнула:

– Он пенсию мает.

– Пенсию? С какого еще такого боку-припеку?

Уловив в его словах иронию, женщина невольно встала на защиту своего бывшего мужа:

– А почто ты дивишься? Он служил в Афгане. Там год шел за три. Прыгал. И тут ему год за полтора капал. Вот он и понабирал к своим тридцати годам двадцать лет выслуги. И дня лишнего после служить не стал. В тот же день настрочил рапорт.

Поправив на себе портупею, мужчина кинул на застегивающую на себе тугой лифчик женщину снисходительный взгляд:

– Катюша, если не секрет, кто из вас и кого бросил?

– Он меня кинул, а я его вытурила.

– Это как? – Жека озадаченно хмыкнул.

Справившись с непокорной вещицей, Катя облегченно выдохнула:

– В 92-ом году многие офицеры укатили в Россию, а их жены, их боевые подруги, остались. Те, что поспели развестись. Бабы, что родом с этих мест. По-разному укладывалось. И баб в городке встало раза в три больше, чем мужиков. И до того нравы были не дуже строгие. И погуливали наши мужья. А тут раздолье встало. Вот мой тут и ударился во все тяжкие. У нас много квартир пустых стояло. Выбирай любую и живи. Мой сошелся с одной разведенкой и водился с ней.

– А ты?

– А я подала на развод. И мы разбежались. А со временем порядок внесли. За два-три года дивизию укомплектовали офицерами. Жилья стало не хватать, самовольных захватчиков повыгоняли в шею. Вот мой бывший и возвратился. Прописан-то он у нас. Да и ордер на него был начеркан. Обитает он в маленькой комнатке. Чужой человек. Одним словом, жилец, да и только. Приелся он мне до чертиков...

В женских глазах плеснулась горькая обида и еще что-то личное, очень затаенное и глубоко спрятанное.

– И вы не разговариваете?

– Нет. Я с ним не знаюсь. Когда он трезвый, что бывает-то редко, может поиграть с сыном. И ребенок к нему тянется. А получит пенсию, немедля отходит в нескончаемый загул. Утром продерет zenки и тут же бежит на «точку». Местные самогонку варят. Сбивают за сорок копеек стакан. Дешевле не сыщешь. Пока экипаж не загрузится под завязку, домой не вернется. До вечера отоспится и снова несется на очередную дозаправку. Вот и все его житье. А ты баешь, что я до мужижкой ласки, мол, охоча. Захочешь и не эдак завоешь...

Почесав скулу, Жека спросил:

– И кем он у тебя служил?

– Вертолетчиком он был у меня... – ответила Катя.

На ее чудных глазках вдруг навернулись крупные слезинки.

– Вертолетчик-налетчик. Налетел, вскружил голову девчонке. Поманил, наобещал золотые горы. Я поверила и без оглядки пошла. Все бросила, дом, родных. Любила, жить без него не могла... А тут оно...

Болезненная гримаса пробежала по лицу подполковника:

– Кто ж знал, что и Союз развалится, и вся наша, казалось, хорошо отлаженная жизнь... Все полетело псу под хвост... А сколько твоему?

– А столько же, сколько и тебе. Я на пяток годков младше его. Мне восемнадцать годков исполнилось, когда он вернулся с Афгана с двумя орденами на груди. Кто против такого героя устоит?

– Да, – Малахов усмехнулся, – против такого орла, Катюша, не устоишь. Падки вы, девки, на красивую форму... А уж ежели на груди блестит, то прямо беда. Как сороки на то, что сильно блестит, стаями слетаются, так и вы хоровод начинаете.

– И я не устояла, – женские глаза наполнились тихой грустью. – Так-то он парень хороший был. Только вот сломался...

Не таясь, Катя смахнула слезинку. Не вовремя мужик сломался, на самом их жизненном взлете, и оказались они на перепутье.

– Или его сломали, – задумчиво моргнув, произнес подполковник. – Начальнички наши, жизнь наша...

– Или его, – она согласно кивнула головой. – Жека, а почто ты остался один? Я бы от тебя никогда и ни за что не ушла. Двумя руками вцепилась бы мертвой хваткой.

– Ну, Катюша, это длинная история. Ты давай, беги, корми сына. Я подежурю тут за тебя. А про себя я тебе еще расскажу. В другой раз. Молодая жизнь в опасности, спасти ее треба и срочно...

Катя убежала, а Малахов, задвинув запор, остался. Знакомую до боли картину нарисовала ему Катя. Страшная картина жизни военного городка. Жека месяц снимал комнату и жил в доме во втором городке.

Хозяйка убогой квартиры – вдова полковника получала нищенскую пенсию, сдавала две свои комнаты из трех. В гостиную она жила сама.

Деньги с постояльцев брала мизерные. Да и больше ей дать никто и не мог. Военные отнюдь не могли похвастать большими окладами.

Вырученных денег ей едва хватало на квартплату. На лето старуха уезжала к дочке в Одессу. Там она с утра до вечера ходила с сумкой по пляжам, продавала семечки и пирожки. А когда-то муж ее был одним из самых уважаемых людей, и жили они, катаясь как сыр в масле. И не думали, и не гадали они, что впереди маячит унижительная нищета.

Такие, как та бабка, в свое время с пеной у рта стояли на всех углах, ратовали за скорейшее отсоединение, за самостоятельность. Якобы о них пеклись господа Кравчук, Шушкевич и Ельцин, неистово расшатывая и вполне успешно разваливая весь Союз. И что? Дождалась бабка своего желанного счастья в отдельно взятом суверенном государстве? Фигу...

Вспоминает, небось, старая, как сладко жилось при коммунистах, при Союзе, и от досады локти себе кусает. Кусает, да поздно...

Жил Малахов в отдельной комнате. А сразу за стенкой, в соседней квартире существовал отставной подполковник. Не надо было Жеке ни радио, ни телевизора. Все имелось у соседей за тонкой стенкой. И каждый день концерт. С утра и до ночи пьяная ругань и крики.

И Жека особо не сомневался, что его соседка пасся на той же «точке», что и Катин муж, бывший. И весь смысл жизни того мужика – пойти на запасной аэродром, залиться до отказа, чтобы на время больше ни о чем не думалось. О том, что у жены нет денег на оплату

квартиры, нет денег на еду, на покупку нового телевизора. Нашел герой-отставник рубчик-другой, залил горящие трубы, а что дальше – ему трын-трава...

Большая у бабки квартирка. Как-то в ней затеяли ремонт. Взялись с размахом, но не легло, и дело на время забросили. Все и лежит, так оно и стоит, где наполовину разобранное, а где наполовину упакованное по ящикам. Стройматериалы давно пришли в негодность...

И ЖЭК их стал самостоятельным, попросту отделился от своих прямых обязанностей. И дом ветшал. Все приходило в негодность. Возводили дом военные строители по их типовому проекту. Кругом понаделали мастера встроенные ниши. И по ним теперь, проделав везде сквозные автострады с первого этажа на шестой, свободно гуляли голодные крысы. Проходили они, как по Бродвею, с первого подъезда до третьего.

Вспоминал Жека и весь передергивался от неприятного ощущения. Ужас! Как люди живут? Но живут же. И будут жить там до самой своей смерти. А куда им еще деваться? Квартиры стоят копейки.

Продать, а в другом месте на эти деньги и маленькой прихожей не купить. Не говоря уже про отдельную квартиру. Жить в том, что есть, и бурно радоваться тому, что живут в независимом государстве...

Не выдержав столь изощренного издевательства над собственным организмом и донельзя расшатанными нервами, Малахов переехал жить в гостиницу. Ему предлагали поселиться в гостинице КЭЧ, но в той он увидел картину не лучше. Таким же строем бежали по полу огромные крысы. Вдобавок ко всему не работало отопление...

Дзинь! Дзинь! – застучал тоненький звоночек, и на коммутаторе откинулся флажок на окошке. Сработала прямая связь с дивизией. Как заправский связист, Малахов вставил штекер в отверстие и ответил.

– Кто это? – донесся до него удивленный девичий голосок. – А где наша Катя? Куда вы ее подевали?

– Они до ветру вышли на минуточку. Я вас, девушка, слушаю.

– Соедините начальника штаба с вашей службой вооружения.

– Соединяю, – подполковник ловко перекинул еще один штекер. – Вызываю, – он нажал на тумблер, особо ни на что не надеясь.

Один вызов пошел, за ним второй. Только Жека захотел дать всем своим абонентам «Отбой», как внезапно ответили. Кто-то долго ставил майору задачу на подготовку какого-то имущества к передаче с одного склада на другой. Что-то в разговоре Малахова насторожило, но он не стал придавать тому большого значения. Мало ли что и кто имел в виду. Какое ему, собственно, до всего дело? По сути, никакого дела...

V

...Оксана согласилась на совместное проживание в одном номере с женщиной, достала из сумочки гражданский паспорт – светиться своим служебным удостоверением она не стала. Иначе досужие языки вмиг разнесут весть, что в городе поселился старший следователь из самой военной прокуратуры Юго-Западного оперативного направления.

Поднялась капитан на второй этаж. Сана была готова ко всему, но увиденное превзошло все ее мрачные предчувствия и ожидания.

– Картина Репина «Приплыли»! – Сана озадаченно моргнула.

Такой убойной убогости она еще не видела. У них на дворе конец двадцатого века, а тут условия проживания, как в средневековье...

И где же они, спрашивается, спрятали в четырех голых стенках умывальник, туалет, она уже не говорит про ванну? При дальнейшем самом внимательном ознакомлении с сим заведением умывальник Сана обнаружила внизу, на первом этаже. Один на всех. То есть, общий.

Душевые кабинки, говорят, когда-то работали, лет пять тому назад. Туалет и вовсе оказался на улице. Такой, что туда страшно и заходить!

– Кошмар! За что с людей деньги берут? Сервиз, блин...

Плюхнувшись на кровать, Сана печально улыбнулась. Снова ей не повезло. И почему она по всей жизни ужасно невезучая? Уехала из села и думать перестала про туалет на улице, забыла. Так нет, снова про него напомнили. А как ей жить вдвоем с мужиком? Как ей переодеваться?

То-то же у дежурной ехидно поблескивали глазки, когда передавала ей ключ от номера, оказавшегося обычной комнатой без удобств...

Ровно в половине четвертого она зашла в небольшое и неприметное кафе на улице Ленина. Славного города, видно, новые исторические веяния явно никак не коснулись. И памятник великому вождю мирового пролетариата также стоял в центре площади и указывал, какой дорогой идти им в светлое будущее. В центре бушевали бури, гремели грозы, низвергались с постаментов прежние идеалы, а тут Ильич все еще стоял и над всеми посмеивался. И лишь голуби окончательно загадили его кепку, да нос вождя до неприличия облупился.

Удобно устроившись в дальнем уголке, у небольшого окошечка, Оксана с некоторым интересом во взгляде наблюдала за тем, как двумя нескончаемыми вереницами в обе стороны вышагивали люди в военной форме. Складывалось стойкое убеждение, что гражданское население в этом славном городе вовсе отсутствует.

Больше всего поражало обилие военнотружениц-женщин. Будто чуть ли не половина всего женского населения города работала в штабе дивизии. И определенная доля правды в том наблюдалась.

Другой работы для женщин в городе не имелось, если не считать торгашей на рынке. Районный центр жил за счет военных. Задерживали им выплату денег, и жизнь замирала, у всех разом падала торговля. Рынок, как барометр, показывал на то, как живут защитники Отечества.

Только слегка повышали оклады, вмиг взлетали цены на продукты, на съемное жилье и разом съедали всю прибавку. Рынок, свободные отношения, демократия. За что боролись, на то и напоролись...

Подполковник Пичугин несколько минут стоял в сторонке и с улыбкой наблюдал за задумавшейся девушкой. Хороша девчонка!

Не зря его просил старый знакомый Ковальчук. За такую можно и даже нужно попросить. Такой бабе можно и даже нужно помочь. Такой крале трудно отказать. Раз Алексей Петрович просил, он поможет.

– Ой, извините... – капитан смущенно улыбнулась. – Задумалась...

– Оксана Степановна, здесь все, – он быстро передал свернутый в трубочку целлулоидный файл, – что вас крайне интересует. Списки всех объектов, включенных в зону вашего особого внимания, схематичное расположение их на местности, списки всех должностных лиц...

– Товарищ подполковник, – напомнила Полицук, – меня, знаете, еще интересуют те, кто приобрел дорогие машины, служа у вас.

Пичугин усмехнулся и неопределенно покачал головой.

– Я у вас спросила что-то не то? – заволновалась Оксана. – Если это невозможно, то я, знаете, не настаиваю.

Капитан смущенно моргнула. На нет, вестимо, и суда нет. Отказ несколько осложнит ей задачу, да что уж про то почему зря толковать.

– Ну, почему же, – кадровик разом вдохнул в Сану порцию свежего воздуха. – Я сделал для вас требуемую выборку. Там все указано. Вам остается только сесть и спокойно в тиши со всем разобраться.

Живая и неподдельная радость разлилась по всему ее лицу:

– Спасибо, товарищ подполковник! Я вам по гроб благодарна!

Откровенно любуясь, Пичугин пренебрежительно махнул рукой:

– Не стоит, Оксана Степановна. Меня просили помочь вам...

В ответ капитан облегченно вздохнула:

– Я думала, что мне еще предстоит немало самой побегать...

– Зачем же, милая девушка, сильно усложнять себе жизнь? У нас есть списки всех автолюбителей, имеющих личный транспорт...

В этот миг Оксана подумала о том, что зря она так скоропалительно причислила себя к самым невезучим. Не повезло ей с попутчиком, не пофартило с жильем, но кое с чем пока у нее все в полном ажуре.

Глянув на часы, кадровик поспешил закруглиться:

– Я отметил тех, кто служил в Германии. Вы уж не обессудьте, но анализ всего вам придется сделать самой. У меня времени нет, да и не хотелось привлекать других, чтоб не демаскировать повышенного внимания к нам со стороны неких компетентных органов. Ну, желаю вам успеха. Номер моего телефона у вас есть. Если что, сразу звоните...

Не торопясь, Оксана допила кофе, вышла на улицу и заспешила. Заскочила Сана в гостиницу, натянула на себя одежду что попроще. Накинула она на плечи рабочую куртку-спецовку, повязала на голову темный платок. Придирчивым взглядом капитан окинула себя в зеркале.

– Гарна дивчина! – Оксана удовлетворенно хмыкнула. – Сойдет для глуши и бездорожья.

Теперь она почти ничем особо не отличалась от местных женщин и выглядела, как большинство торговки на базаре, а с темной папкой в руке – как озабоченный и донельзя замученный работник ЖЭКа.

Скромная и ничем неприметная внешность. Замаскировавшийся капитан достала из папки схему расположения военных городков и отправилась на месте знакомиться с интересующими ее объектами...

По условному стуку Малахов открыл дверь запыхавшейся Кате.

– У нас все тихо? – она чмокнула подполковника в щеку.

– Вроде бы. Ладно, Катюша, пойдешь.

– Ой, Жека-Жека! Что же это я опростоволосилась? – женщина огорченно всплеснула руками. – Сама свое пузо набила, а ты-то сам не обедал! – всполошилась она. – Как же ты?

– Ерунда, – он небрежно махнул рукой, – не привыкать. Совмещу обед с ужином. Все, Катюша, у меня через десять минут инструктаж.

Малахов поднялся в свой кабинет. Приказ о проведении стрельб лежал у него на столе. Райка не позабыла. А может, она заранее бумагу подготовила и отпечатала. И какая ему в том разница? Лишь бы дело делалось, а когда и за счет чего, то оно уже ее, Райки, личные проблемы. Взяв листок в руки, подполковник пробежался по нему глазами.

Спустился Малахов и проверил должностных лиц. Руководитель стрельб – он сам, собственной персоной. Такой человек у них на месте. Помощник руководителя стрельб – командир первого батальона майор Шувалов. Есть и такой. На месте были и все остальные должностные лица с батальона Шувалова. Начальник оцепления, начальник пункта боепитания, дежурный фельдшер. Вроде, все в наличии...

Со стороны КПП показалась нестройная колонна с братской 45-ой бригады. Подошел начальник отдела боевой подготовки дивизии. Тот лично и провел общий для всех инструктаж...

На этом на сегодня задача Малахова и закончилась бы. Только вот «бы» мешало. Если бы у них было порядочное заведение. Если бы все было организовано, как у них в училище. Приказ командиром подписан, и все, кому положено, в нем расписались. И дальше каждый выполняет свои прямые обязанности на своем участке работы.

Автомобильная служба сама планирует две машины для выезда: одну под боеприпасы, вторую под оцепление. Командир автороты сам готовит технику и водителей для выхода. Служба ГСМ своевременно заправляет тягачи топливом. Тогда он, Малахов, придет в шесть утра, даст свисток, и все закрутится. Но это, как оно произошло бы, если бы в бригаде существовал порядок...

Если бы в бригаде был порядок, был один на всех начальник. А тут каждый пуп-пупок мнит себя боссом. Приказ по части для них вовсе не указ. Они по общим правилам работать не привыкли или не обучены. Надо, чтоб к ним лично пришли на поклон и попросили.

Тяжело вздохнув, Малахов отправился совершать бесчисленные круги из одного кабинета в другой. Из штаба в автопарк и обратно. Бегал он, все бегал, а его машины все-таки не заправили.

Впрочем, не заправили не только его тягачи. Ничто не заправили из тех машин, что должны были выходить в рейс на следующий день.

Что-то, где-то и у кого-то не сложилось, и топливо в бригаду не подвезли. Обычное дело. Никто уже не удивлялся, если вместо девяти утра лишь часам к двенадцати машина покидала ворота парка. Все к подобному сценарию привыкли и попросту не обращали внимания.

– Писец подкрался незаметно! – Жека в сердцах ругнулся.

Под угрозу ставилось проведение стрельб. Бригада Малахова их обеспечивала. И весь спрос с него. Зам командира дивизии не станет разбираться, кто и почему не завез топливо, кто и где его перехватил, кто является истинным виновником всего бардака. Кто отвечает за проведение стрельб, тот и виноват в их срыве. Не обеспечил, вовремя не побеспокоился. И в этом есть и своя доля правды. Но подполковник не обязан подменять работой своих ног всех остальных начальников.

А начальник оцепления беспомощно разводит руки в стороны, что-то невразумительно лопочет. Но что ни говорил бы Жеке растерянный и перепуганный командир взвода, ясно одно – своевременный выезд на стрельбище под реальной угрозой срыва.

– Я вас понял, товарищ старший лейтенант, – Малахов оборвал его бесполезную исповедь. – Занимайтесь по собственному плану...

– Есть! – старший лейтенант развернулся, и его как ветром сдуло.

С трудом Жека дозвонился до дивизии. Конечно, подполковник – не старший лейтенант, и с ним разговаривали немного по-другому.

И топливо у них нашлось. И они готовы были его сразу выделить в запланированном объеме – только за соляжкой вот никто не заехал.

– Я понял вас, товарищ майор, – Малахов усмехнулся. – Как всегда, во всем виноваты бригады. Если я подъеду, меня заправят?

– Да-да, – заверил его по телефону начальник ГСМ дивизии. – Я вызову начальника заправочного пункта и лично ему задачу поставлю.

Делать нечего, пришлось Жеке брать дежурную машину и ехать на ней самому. Отъехали всего-то от бригады километра три и заглохли.

Водитель открыл капот, встал на бампер и застыл в характерной для таких случаев позе. Мимо них проходил, идя домой по дороге, зам по технической части. Его острым углом согбенная фигура, вставшая рядом с водителем, несколько украсила невеселый пейзаж. Наконец, общими усилиями движок заставили работать.

Пока полчаса простояли на полпути, пока доехали. Прапорщик и не дождался их, ушел домой. Снова пришлось обзванивать всех по кругу.

Недовольно пыхтящий начальник пункта ГСМ приоткрыл дверь в заправочной и уселся за пультом. Счетчик отсчитал шестьдесят литров, и стрелка замерла. Малахов озадаченно посмотрел на заправщика.

– Не понял? – он ткнул пальцем на цифру «60».

– По двадцать литров на машину, – коротко кинул прапорщик, не собираясь кому-то и что-либо пояснять.

Как тотчас понял Малахов, ему в один бак залили на три машины. На дежурную машину дали на очередные сутки и на две его машины под оцепление и боеприпасы малек плеснули.

– Но, дорогой, в нашей заявке указано, что по пятьдесят литров! – неподдельно возмутился он.

– Заявки вы пишете у себя в бригаде... – на сытом и невозмутимом лице ничто не шелохнулось. – А у меня свои начальники. Не хотите, можете не заправлять, – прапорщик безразлично пожал плечами.

Весь его вид свидетельствовал, кричал о том, что лично ему до их боевой подготовки нет никакого дела. У него одна забота – ужать до минимума количество отпускаемого топлива. Некоторые умники там, в бригадах, думают, наивные и глупые, что его прямая задача всецело обеспечивать всю их жизнедеятельность. Нет, они там все по кругу существуют, чтобы он тут мог развернуть свою кипучую деятельность.

– Подпишите? Или мне дать команду слить топливо обратно?

– Подпишу... – Малахов вспомнил про все то, о чем ему давеча толковал Кондрашов, и лишь скрипнул зубами.

Взял ручку подполковник и расписался в журнале в получении 150-ти литров солярки. Только что на нем нехило сэкономили 90 литров.

До гостиницы Малахов добрался где-то часикам к десяти.

– А у вас-то появился сосед, – загадочно улыбаясь, объявила ему дежурная вместо того, чтобы выдать ключ от номера.

У уставшего до смерти подполковника не нашлось сил и желания на то, чтобы обратить внимание на тон ее заявления и веселые искорки в ее глазах. Сосед, так сосед, По крутой и узкой лестнице он поднялся на второй этаж, прошел в конец коридора и постучал.

– Входите, не заперто, – услышал он, и его всего мгновенно обдало обморочным жаром.

Голос-то донесся явно не мужской. Но главное его ждало за самой дверью, которую он мягонько толкнул вперед, и она лениво подалась, открылась с тихим скрипом.

– Вы? – он удивленно захлопал глазами. – Вы что, дамочка, решили преследовать меня? – негромко пробурчал Малахов, бочком проходя к своей кровати и в полной растерянности оглядываясь.

Увидев прямо перед собой злое лицо своего недавнего попутчика, Оксана застыла на своем месте, потеряла на время дар речи.

– Что, в молчанку мы будем играть? Или вы приведение увидели? – он повесил тяжелую куртку на крючок.

– Тот самый человек из поезда? – выдавила Полищук из себя.

Потрясение было настолько велико, что ей показалось, будто все стены качнулись и стали сближаться, вот-вот они раздавят ее.

– Как вы тут оказались? Я не знала, что соседом будете вы.

– Я-то? – Жека показал на себя пальцем. – Я к вашему сведению, мадам, здесь живу, – он мрачно усмехнулся, совершенно пугая ее своим неподвижным и тяжелым взглядом.

Оксана внутренне поджалась. Она нахамила ему на станции, когда они приехали. Ну, не нахамила, но говорила не очень-то вежливо.

– Живу и давно. Если вам не нравится мое общество, то я вас здесь, милая барышня, не держу. Можете катиться из этой комнаты на все четыре стороны. Катись колбаской по Малой Спасской...

Видно, накопившаяся внутри злость на всех и на вся заставляла его грубить. Грубил он еще и затем, чтобы как-то спрятать за хамством свое смущение, унять гулкое сердцебиение в груди.

– Может, вы, мужчина, это... перейдете в другой номер? – Оксана чуть приподняла свои умоляющие глаза.

– Нет. Вы можете идти и ночевать на улице, в парке на скамеечке. Очень удобно. Я пробовал. Можете идти, а я никуда не уйду. Впрочем, делайте, что хотите, – Жека двигался по комнате, не замечая ее, словно он находился в номере совсем один.

Сникнув, Полищук притихла, сидела в своем уголке. Кого она больше всего не ожидала встретить, так это нечаянного соседа-пьяницу из поезда. Нет слов, в форме он выглядел намного лучше. Чисто выбритое лицо посвежело, немного приоткрылись глаза.

Но пьянь, во что ее ни выряди, она все едино пьянью и останется. Нет, не повезло ей. Надо же было, чтобы ее так угораздило.

Что это у нее сегодня все, словно на качелях? Считалочка: везет, не везет. Не отрываясь, она во все глаза наблюдала за соседом.

А тот достал бутылку, налил не меньше чем полстакана и залпом все выпил. Вышел он, где-то ходил, вернулся. Налил и снова выпил. И сколько водки сосед за целый день в себя вливает? Постоял он у окна, наблюдая за черной пустотой на улице. Достал из сумки китайский будильник, подкрутил, поставил на стол. Повернулся к ней спиной и тут же, нисколько ее не стесняясь, разделся и забрался под одеяло.

– Спокойной ночи, – буркнул Жека. – Мне завтра рано вставать, – добавил он чуть мягче. – Да, если вам нужен, свет мне не мешает.

– Вы сама любезность! – пролепетала его соседка.

Подумав, Оксана подошла к выключателю и щелкнула им. Глаза ее не сразу привыкли к темноте, и потом вдруг оказалось, что яркий свет от уличного фонаря с успехом заменял ночник. Он создавал в комнате полумрак, в котором при желании все хорошо проглядывалось. Видны были и направленные на нее застывшие глаза соседа.

– Вы можете хотя бы отвернуться? – преодолев себя, спросила она. – Вы понимаете, что мне надо переодеться? Да не смотрите же вы так на меня! Совесть у вас есть, или вы ее всю пропили?!

Малахов усмехнулся. Совесть – категория избирательная, она или есть, или ее нет. Сейчас, сейчас вот он ее за всю свою пропитую совесть заставит попрыгать одним местом на жареных углях.

– Больно мне надо, – проворчал он, поворачиваясь набок. – Что я голых баб не видел? Нужда мне на ваши отвислые сиськи глазеть...

От такого откровенного заявления Оксану бросило в краску.

– Или у вас есть что особое, чего нет у других, и вы боитесь, что я его обнаружу? Может, у вас, как у той свинки из мультика «Ну погоди», не два соска, а они попарно торчат аж в несколько рядков?

Оксана зло и прерывисто задышала, быстро скидывая с себя одежду и бросая в сторону соседа настороженные взгляды. Сволочь! Он еще и издевается над ней! Раз он этакий хам и ежели способен на подобные выражения, что ему стоит взять и повернуть голову в ее сторону.

Но сосед пока честно выполнял выдвинутые условия. Дальше слов его действия пока не шли. Хотя, впереди у него еще вся ночь.

И именно про то она думала и в поезде. А с ней ничего плохого не произошло. Наоборот, некто даже проявил о ней трогательную заботу.

Быстро накинув на себя просторную ночную сорочку, она немного успокоилась. Сана привычными движениями собрала волосы в короткие косички. Тяжело вздохнув, девушка скользнула под одеяло, устроилась и внимательно прислушалась. Скорее всего, мужчина спал.

Доносилось ровное дыхание человека, заснувшего глубоким сном, сном праведника, уставшего после долгого и тяжелого дня.

Все-таки, подумалось ей, странный он и необъяснимый тип.

Ровно в пять утра запищал китайский электрический будильник. Первый сигнал поплыл по комнате не столь звучный, второй запищал чуть громче. И пошло-поехало по нарастающей...

Пи-пи-пи-пи!.. Пи-пи-пи-пи!..

Проснувшись, Оксана с ужасом представила, что неприятный звук минут через пять, да нет, намного раньше перебудит всю общагу, но сосед так и не проснется. И если зуммер не выключить...

Вся съезжившись, она натянула на голову одеяло. Но не спасло. От нарастающего противного звука спасения практически не было.

А мозг ее сам по себе, автоматически и непроизвольно отсчитывал количество сигналов. Один, два, три... пять. Сколько их будет?..

Малахов проснулся от первого же сигнала. Пока сообразил, где он находится, с какой именно стороны до него доносятся противные звуки. Не сразу, но Жека сориентировался, протянул руку и отключил звонок.

Стараясь особо не шуметь, подполковник тихо поднялся, стянул со стола пакет с туалетными принадлежностями, приготовленными еще с вечера. Жека глянул в угол на затаившуюся девушку, и слабая улыбочка заиграла на мужских губах. На цыпочках прошел Малахов к двери, чуть приоткрыл ее, протиснулся бочком. И узкая полоска желтоватого света, воровато заползшая в комнату из коридора, угасая, исчезла.

За всем этим внимательно наблюдал выглядывающий из-под одеяла настороженный глазик. Дверь прикрылась. Луч света пропал. Глаза ее сомкнулись, и сон снова захватил Оксану в свои крепкие объятия...

Бойцы уже завтракали. Малахов подсел к столику для дежурного по части и ответственных офицеров. Официант-солдатик быстро метнулся к раздаточной комнате и поставил перед подполковником тарелку с кашей, кружку с чаем, хлеб на блюдечке и кусочек масла.

В ответ Жека благодарно кивнул бойцу головой. Приказывать и требовать, чтоб его покормили, он права-то не имел. Но и отказываться ему смысла никакого не было. Если тотчас

не перекусить, то потом он до обеда проторчит в поле. А сто грамм, опрокинутые с самого утра, дабы заглушить пожар в горящих трубах, – то вовсе никакая не еда.

Появился начальник оцепления. Доложил он, что к выезду у них все готово. Другое совсем дело. И приятно, что ворота парка у самого выхода из столовой. Неплохо в свое время придумали. Не приходилось прорву времени терять на переходы туда и обратно. Выскочил боец из парка, быстро поел и обратно заскочил.

Один «Урал» сразу же пошел по маршруту выставлять оцепление на свои посты, а второй взял направление на склад с боеприпасами.

Темень. Фары вырывали из нее узкую полоску. Машину бросало по ухабистой дороге из стороны в сторону. Подполковник усмехнулся. Вот она... и снова наяву романтика и все прелести военной жизни...

Хмурый, не выпавшийся прапорщик поджидал их. Недовольно проворчал, но, разглядев спрыгивающего с подножки подполковника, Ющук разом умерил свой пыл, вмиг превратился в самую любезность:

– Товарищ подполковник, здравия желаю! У меня все давно готово. Можете получать. Я еще вчера все согласно заявке подготовил.

Прикрываясь плечом от пронизывающего ветра, Малахов прошел на склад, по укоренившейся привычке оглянулся. Приличных размеров штабель из ящиков привлек его внимание. Не удержался, хмыкнул:

– Юрок, это что, ты все нам приготовил? Знаешь, нам столько ведь не нужно. Мы этого и за неделю не израсходуем.

– Никак нет, товарищ подполковник, це не вам... – Ющук сильно смутился, и глазки его неприятно забегали. – Це все я зараз должен передать на инший склад.

– Зачем? – удивился Малахов. – У тебя что тут, места не хватает? Вон его у тебя еще сколько.

– Сам, товарищ подполковник, не ведаю, зачем це. Распоряжение наместни пришло. Мое дело маленькое. Приказали – выполняю.

– Понятно, – теряя всякий интерес, проронил Малахов. – Мы же с тобой, Юрок, люди подневольные. Что скажут нам, то и выполняем.

Жека пожал плечом. Действительно, чего он вмешивается? Какое ему, собственно, дело до движения имущества со склада на склад?

Бравые бойцы-десантники закинули в кузов ящики с патронами, ручными гранатами, выстрелами к РПГ-7В. Старшина-сверхсрочник втиснулся в кабину третьим. Подполковник повернул в его сторону свое озабоченное лицо:

– Сергей, все получили?

– Так точно, товарищ подполковник.

Но что-то Малахову в голосе начальника пункта боепитания все-таки не понравилось, и он переспросил:

– Точно все получили? Или приедем мы на место, и окажется, что главное забыли? Лучше сразу вопрос на месте решить...

– Ну, почти все получили.

– Это еще как? – Малахов еще больше насторожился.

– Э... – на лицо старшины легла тень мучительного раздумья.

Он и хотел, но все еще не решался сказать, не зная, как к тому отнесется подполковник, человек у них новый.

Наконец, он подумал о том, что оно, в конце концов, не его дело и не им придумано, а потому не ему за то своей головешкой отвечать.

– Ну, к примеру, Ющук вместо десяти тысяч патронов выдал мне шесть тысяч четыреста восемьдесят штук – шесть полных цинков.

На притаившейся в темноте колдобине машину здорово тряхнуло, подполковник вцепился в ручку, не сразу и переспросил:

– Не понял. Он что, ошибся?

– Нет, и гранат тоже выдал примерно в таком же соотношении, две трети от требуемого количества в заявке.

В голове порядком шумело, Малахов болезненно поморщился:

– Постой, Сережа, а что ты мне на складе не сказал? Там и решили бы на месте эту проблему...

– Так мы всегда эдак делаем, – пожал плечами старшина. – Если брать по полной заявке, то всякий раз остаются большие излишки. На стрельбище не все бойцы выходят. Наряд стоит. Кто больной, а кто и на работах. Неизрасходованные боеприпасы приходится нам возвращать на склад. Там начинается морoka. Возникает путаница.

Жека прищурился. Что ж, определенная логика в рассуждениях сверхсрочника была, против нее возразить было нечего, кроме одного...

– Понятно, что не все бойцы выходят и что остаются большие излишки. Непонятно совсем другое. Почему нельзя уменьшить саму заявку? Это же сделать намного проще?

– Может, оно, товарищ подполковник, и проще, но я слышал как-то у себя в штабе, что требуют выписывать именно это количество.

Движением ладони Малахов прикрыл проснувшийся интерес в его глазах. Хотелось ему знать, и где же здесь собака зарыта.

– Ясно, Сережа. А в своих актах об израсходовании боеприпасов вы... какое количество указываете?

– То, что в заявке.

– Да, – протянул Малахов. – Тогда мне это совсем уже непонятно. Или же, наоборот, все становится очень даже понятно...

Большого труда ему не составило догадаться, что и тут излишки полным ходом создают. А вот для чего и для кого...

На командном пункте вяло поднялся белый флаг – разрешение на открытие огня дано. Подразделения развели по учебным точкам.

Слева огневые направления заняла соседняя 45-ая бригада, еще дальше – подразделения и части боевого обеспечения дивизии. А если бы вчера Малахов поленился и сам не заправил бы машину?

И что было бы? Нетрудно ему представить. Да вот подполковник Малахов сам лично подсуетился, и, как результат, вовремя загрещали короткие автоматные очереди, гулко застучали одиночные пистолетные выстрелы. Сбоку редко заработали снайперские винтовки. С отчаянным уханьем вылетали одна за другой противотанковые гранаты. Загремели взрывы на огневом рубеже, где метали ручные гранаты.

Огневая подготовка – единственное, что в их дивизии проводилось почти неукоснительно. Нет, выше всего, конечно же, были занятия, как раньше говорили, по политической подготовке.

Новое независимое государство на свой лад кроило всю мировую историю и пылко желало плоды своих титанических усилий довести до широких масс и, прежде всего, до своих солдат и офицеров.

Там и гетман Мазепа стал не предателем, а истинным радетелем своего народа. Хотел выйти из-под власти московского царя и стать под руку шведского. Скандинавы, конечно, они же хохлам намного ближе по крови, чем кацапы. И Симон Петлюра, грабивший простых селян и полосовавший их нагайками, ходил в героях. Степан Бандера и вовсе стоял в том ряду вне всякой конкуренции с ореолом святого.

Весь народ сообща боролся с фашизмом, а дивизия СС «Галичина» воевала против Красной армии. И бывшие эсэсовцы стали героями. Вот про это и про многое еще другое рассказывали бывшие замполиты.

А на всех остальных занятиях могли ставить, а обычно всегда так и делали, жирный-прежирный крест. Техника вся в поле за отсутствием топлива и с целью его экономии не выходила. Механики-водители вождением БМД и других боевых машин не занимались. Тактическая и специальная подготовка не проводилась...

Ну и что, спрашивается, с них взять? Одним словом, пехота и все. Одно только у них название осталось, что воздушная. А вот разведчики постоянно занимались. То и дело шастали воины по всем окрестностям в поисках того, что еще можно стащить и упереть с собой.

Да еще инженерно-саперная рота в поте лица трудилась по своей основной специальности на постройке подсобных хозяйств и прочего...

А огневая подготовка, ежели связать воедино все его размышления, проводилась с единственной лишь целью создать неучтенный запас боеприпасов. А потом... потом его при случае реализовать...

Ближе к двенадцати часам дня все офицеры начали подтягиваться к центральной наблюдательной вышке. Начальник штаба батальона с шустрыми глазами бойко травил обычные в таких случаях байки.

Майор в свое время служил в Монголии. Тоже заграница. Только почти что своя, в Забайкалье.

– ...Снабжение в полку было до края плохое. Или к нам не завозили, или начальство все разворовывало. Доходило до того, что бойцы, как крысы, по всем помойкам рылись...

Перед глазами многих присутствующих стояли примеры посвежее, из толпы заметили:

– Ну, Федотыч, у нас тоже не лучше. Тогда воровали и нынче не меньше. Ты лучше скажи, как там у вас было насчет бабья?

– Этого товару и там хватало. Молодые лейтенанты привозили с собой подруг. Где они их, прости... меня Господи, подбирали?

– Как это... где? – в разговор вмешался молодой задорный голос. – Известно где. По всем городским общагам...

Выдержав паузу, начштаба батальона подытожил:

– По всем помойкам, короче. Значит, женились они за месяц-два до выпуска на ком и кому что попало. Вот потом и начинали эти девки вовсю хвостами вертеть, ну, а их мужики по чужим бабам бегать. Такое творилось, что вспомнить страшно. Стоило кому-то на полигон выехать, как начиналась карусель. А многие так и жили открыто «шведскими» семьями, никого не стеснясь.

– А ты Федотыч, как жил?

Боясь завратиться, майор малость замялся:

– Ну, я, мужики, в ту пору еще холостым лейтенантом ходил.

– Так ты тоже в свое время был ходок?

– Ну... – никак не подтверждая колкое заявление и не опровергая его, начальник штаба скромно пожал плечами.

– А как там, Федотыч, насчет местного населения было? Дикарки? Страшилища с узкими глазами шастали, что и смотреть не на что?

– Нет, почему же, – майор оживился, – крайне даже симпатичные монголки имелись.

Один из ротных скептически сплюнул, растер плевков сапогом:

– Не может быть. Привираешь, Федотыч.

– Ей богу, не вру. Кое-кто из наших ребят успел даже поджениться.

– Ну и как?

– А кто его знает, как оно было... – словно что-то вспоминая, майор неопределенно пожал плечами, а глаза его убежали в сторону.

– Так они, Федотыч, грязные, никогда не моются.

– О, напомнил. Случай у нас один занятный был. Служили в полку у нас два друга холостяка. Те еще ребята, скажу я вам. Познакомились они с монголкой, затащили к себе на квартиру, в однокомнатную хату. А она, девка-то эта, вся потом провонялась. Но красивая чертовка. И хочется, и колется. В ванну ее загнали. Сдуру сыпанули ребята туда горстку стирального порошка и отмыли ее. Аж хруст от чистой кожи пошел. А девка непонятно лопочет, смеется. Довольная...

– С придурию, что ли, баба оказалась?

Хмыкнув, начальник штаба покачал головой:

– Да нет, они ей вина дали. Дозу они не рассчитали или малость переборщили. Выносливой оказалась подружка. Утром отправили ее, а сами без сил завалились спать. Дело на воскресенье вышло...

– И все? – протянул кто-то, несколько разочарованный простым до обиды концом. – И что тут прикольного?

– Не все. Через неделю ребят с местной милицией нашли. У девки по всему телу странные пятна пошли. Думали, что заразное. Парней наших в комендатуру... – майор многозначительно замолчал.

– Ну и что с ними стало? – затеребил его сосед.

– А ничего. Разобрались. У нее пятна от чистоты пошли. Аллергия. После того, как ее отмыли...

Взрывы хохота долго сотрясли здание из стекла и бетона. У многих на глазах слезинки выдавило. Комбат Шувалов подковырнул:

– Федотыч, а одним из них, случайно, не ты ли шуровал?

– А что? – скромно потупившись, майор смешливо почесался в затылке. – Давно дело было. Разве все и упомнишь.

Фривольный треп не затих, не затух, эстафету тут же перехватил зам командира батальона:

– А у нас случай имелся... Служил я в Забайкалье. Приехали мы с другом в Читу. Приехать и не побывать в «Даурии» – считалось у нас западло. «Даурия» – коронное место, где всегда офицеры собирались.

– Думаю, что не только офицеры, – заметил комбат Шувалов. – Слышал я как-то, что, кроме нас, голытьбы, туда и приличные люди заходили. Из тех, кого еще в «законе» считали... Только сидели они, понятное дело, в другом уголке...

– Того не знаю. Сняли мы двух подружек. Я еще лейтенантом был. А друг мой – постарше. Вышло, что и подружки наши оказались одна моего возраста, а вторая точно, как мой дружок. Полное соответствие. Весь вечер с ними протанцевали. Взяли с собой водочки, бутылочку шампанского и девочек с собой потянули. А те и сами не противились. Активисточки. Приехали бабы в Читу на комсомольский слет...

Посидели они у нас, выпили. По общему согласию разделились. Та, что была постарше, осталась с моим дружком. А молоденькая девчонка со мной пошла. Смушалась, как пионерка юная, будто для нее все эти фокусы были впервые. Два года баба замужем, а кроме одной позы, где она лежит на спине, широко раздвинув свои ножки, ну, ничего девка не знала. Что за неотесанный чурбан числился у нее мужем?

Смущаться-то она смушалась, но не больно-то чему противилась. Да и доза, принятая нами была приличной. Сперва она все ладошкой от моих рук прикрывалась, но затем, когда я пустил в дело язычок, она только свое лицо прикрывала. И смотрю, что понравилось ей, вошла во вкус, двигаться сама навстречу мне начала...

Не знаю, что ее туда понесло, но она ткнулась во вторую комнату. Глядь, а там ее старшая подружка Мишкиного дружка со всем усердием ублажает. И классно у нее получается! С вдохновением работает!

Лидка моя вся в ужасе. Как, мол, коммунистка может себе этакое позволить? Где все ее моральные и нравственные принципы? И как быть в таком разе с «Моральным кодексом строителя коммунизма»?

Я ее, как мог, так и успокаивал. Мол, а что тут такого дурного, если человеку захотелось? Попробовала, может, и понравилось?..

– Ой, заливаешь ты! – начштаба батальона недоверчиво крутанул головой и, подначивая товарища, махнул рукой, мол, враки все это.

Зам комбата непонимающе моргнул:

– Ну, чего вы, жеребцы, ржете? Так все и было. Крепко ей, видно, мозги запудрили, пока она училась в школе. Не тому ее учили...

– Классиков марксизма-ленинизма они не читали!

От оглушительного взрыва гомерического хохота нервно звякнули перепуганные стекла. Чуть погода начштаба пояснил:

– Последователь Карла Маркса, Август Бебель, книжку черкнул, ту самую, что «Женщина и социализм» называется.

– Это какой еще Бебель? – прищурился молодой лейтенант, плохо учившийся в школе, продукт демократизации общества.

В ответ майор пояснил:

– Это тот Бебель, чьим именем одна улица в Одессе называлась, где областной КГБ был. Так он считал, что «Половая потребность не может быть нравственной или безнравственной, а только естественной».

– Ха-ха! Как еда, питье, исправление естественных надобностей, ибо продолжение рода – первейшая задача каждого индивида...

Перехватывая инициативу, зам комбата продолжил:

– Время прошло. Лидка моя ушла в ванную. Мишка выглядывает и заговорщицки мне подмигивает, дает мне ясно понять, что пора, мол, меняться партнерами. Был у нас с ним предварительный уговор.

Верка ему все про себя рассказала. Про то, что работает она вторым секретарем райкома комсомола. Лидка моя у них недавно инструктором устроилась. Тут они второй день на конференции. Решили совместить приятное с полезным. А что? Все понятно. За чужой счет в ресторане посидеть, покушать, от души напрыгаться. И, в конце концов, еще в придачу ко всему и удовольствие получить. Как говорят, два в одном...

Там, где они живут, городок весь маленький. Все на виду. «Налево» сильно-то не побегаешь, моментом слухи поползут. А разнообразия-то хочется. Муж у Веры – чиновник, старше лет на пятнадцать. И к этому делу у него интерес давно угас. А она, бедолага, в самый вкус вошла. А Лидка еще в этом деле зеленая. Первый раз только в свет вышла...

Ну и Мишка протопал к ванной и приоткрыл дверь. А там нагая нимфа склонилась над умывальником. Дружок мой аж ногами засучил, не выдержал соблазна и облапил ее руками...

От эдакой вящей неожиданности Лидка, верно, и от боли, да и от страха пронзительно заверещала, дернулась, попыталась вырваться. Да где там. Послышался тоненький жалобный скулеж, потом постепенно затих. Лидка задыхалась все чаще и чаще, а вскоре и вовсе задвигалась в такт с моим дружком...

– Понравилось, значит... – донеслось из задних рядов.

– Понравилось. Мишка любую мог довести до кипения. А тут Верка подошла и потянула меня за собой.

– И ты ей класс показал.

– Нет, она мне показала...

Новый взрыв хохота прокатился под бетонными сводами, ударил по окнам, тоненько завибрировал стеклянным перезвоном.

– Зубоскалы, – незлобно, ради порядка, ругнулся Малахов. – Черт вас, балаболов, подери! Как соберетесь вместе, так больше не о чем и поговорить. Одни пошлости у вас на уме. Стоять рядом и слушать вас невозможно. Будто других тем для разговора не существует.

– А о чем же говорить? – ротный хитро прищурился.

Начальник боевой подготовки неопределенно пожал плечами:

– О службе. Или у вас все тип-топ в подразделениях?

– Товарищ подполковник, вы что, не знаете, что разговор о службе – верный признак наступления у дружной компании последней стадии опьянения? – лукаво улыбаясь, вернул начальник штаба дивизиона. – А пока еще до свинства не надрались, мы все про баб толкуем.

– Ну и черт с вами! – Жека махнул рукой. – Базарьте...

Малахов сам хорошо знал расхожий анекдот про все стадии, через которые проходит любая офицерская попойка.

– Говорят, вы в Германии служили. Как вам немки?

– В каком смысле? – подполковник прищурил левый глаз.

Прекрасно понимая, куда клонит молоденький лейтенант, Малахов усмехнулся. До колик в животе кое-кому хотелось знать, из чего же слеplены недоступные их пониманию европейские женщины.

– Можно было, к примеру, с ними закрутить? Ну, вы понимаете...

Конечно же, он все понял и, широко улыбнувшись, ответил:

– А что они совсем с другого теста, что ли, слеplены? Такие же, как и у нас, бабы... с понятиями, представлениями и потребностями. Тоже жить хотят. И желательно лучше.

– Во-во! – толпа вмиг оживилась. – Расскажите нам из той жизни, которой нам, по всей видимости, никогда самим уж не увидеть.

Повернув голову, Малахов внимательно посмотрел на ротного:

– А что столь пессимистично? В нашем независимом государстве перед каждым все двери открыты. Езжай, куда хочешь.

– Поедешь, если баксы хрустят в кармане. А нам и на жратву не хватает. Заграницу после развала Союза прикрыли. Одна Югославия осталась. А там наши в эдакой дыре стоят, что упаси меня, Господи...

Народ нахмурился. Поставили их в патовое положение. В Косово, где албанцы хотят от сербов отделиться, того гляди, снова вспыхнут беспорядки. Прикажут стрелять, так своих братьев-сербов стрелять? У кого рука поднимется? Но не выполнить приказ...

– За что, ребята, боролись, на то и напоролись. Присягу на верность незалежной Украине принимали? Вот и платите по счетам.

Офицеры вздохнули. Купились в свое время на то, что им обещали увеличить содержание в разы и выплачивать его в твердой валюте. Пока их покупали, обещали, потом все быстро как-то позабылось...

– А вы, товарищ подполковник, ее сами не принимали? – немного обиженно и с некоторой язвительностью в голосе спросил ротный.

– И я, братцы, принял. Не отрицаю. Так и я за это расплачиваюсь.

Жека прищурился, потер скулу. А надо было ему кинуть тут все и уехать в Россию, как сделал Рэм, старый и верный его друг.

– И все же, товарищ подполковник, расскажите нам что-нибудь.

Все взоры обратились на него, вцепились мертвой хваткой.

– Ладно, все равно не отстанете. Знаю я вас, черти. И мертвого вы достанете. Когда служил в Потсдаме, соседка по лестничной площадке, а жили мы в домах вперемешку с немцами,

и в подъезде половина квартир могла быть наша, а другая часть – их, прибегала иногда за помощью. Муж у нее был классным сантехником и на заработки ездил в ФРГ. Вот мне время от времени и приходилось его собственные краны ремонтировать. У них же, как и у нас, сапожник тоже всегда ходит без сапог. Трубы часто забивались. Приходилось их мне прочищать...

– И кое-что иное заодно, небось, прочищали?

– Это уж как водится, не без этого...

...Лейтенант Малахов на ту пору служил в Потсдамской учебной бригаде командиром взвода в самоходной батарее.

Жилось нелегко, но весело. С утра до вечера он пропадал в военном городке. На личную жизнь времени не оставалось. Приходил он домой поздно, лишь ночевать. Со своими соседями-холостяками чаще виделся Жека в парке, в учебном поле, чем за общим столом в их небольшой однокомнатной квартирке, выделенной им на троих.

В тот день лейтенант заступал в наряд. И он решил чуть посидеть на спине, выгнав пузырек на середину. Глаза начали слипаться. Резкий, настойчивый стук в дверь нарушил идиллию благостного отдыха.

Поднявшись, он подошел к двери и открыл ее. На пороге стояла их милая соседка Анна. А если уж быть до конца точным, то Аннет.

Но они называли ее просто Анной. Женщина вся, с ног до головы, была мокрая, одежда в ржавых подтеках.

– Камрад офицер, камрад офицер... – лопотала она, видно, других понятных русскому человеку слов больше не зная.

– Was ist los, Frau Anna? Что случилось? – спросил Малахов.

Из сбивчивого объяснения бедной женщины он уяснил, что она принимала ванну, а кран перестал закрываться. Она его того... с силой пристукнула, его сорвало. На глазах у Анны появились слезы отчаяния, она стояла перед ним жалкая, беспомощная и заламывала руки.

– Ein Moment!

Лейтенант живо схватил в руку разводной ключ, на всякий случай валявшийся у них на кухне под раковиной, и рванул на помощь.

Перекрыть общий кран ему большого труда не составило. А потом, уже не торопясь, он разобрался и с поломкой. Сам метнулся в магазин, и через полчаса все находилось в полном ажуре.

– Тее? – предложила она чашку чая, и он не стал отказываться.

Левой рукой пододвинув к себе табуретку, хозяйка встала на нее и потянулась к верхнему шкафчику. Полы ее и так коротенького халатика неудержимо поползли вверх, совсем бесстыдно открывая перед его глазами подколенные ямочки, стройные икры...

И все случилось неожиданно. Анна чуть покачнулась, табуретка под ней накренилась, и он едва успел подскочить, подхватить.

Его руки крепко сомкнулись на ее плотной нежной груди, губы уткнулись в шелковистую кожу на шее.

Отчаянно зажмурившись, он поцеловал ее, потом еще, еще, ожидая, что она сейчас повернется и ударит его за беспардонную наглость.

Но она все не поворачивалась, не вырывалась, наоборот, обмякла в его руках и тяжело задышала. Недолго раздумывая, он подхватил ее на руки и широкими шагами понес в спальню...

Сколько их сумасшествие продолжалось? Он опомнился только тогда, когда настенные часы отстукали то ли пять, то ли шесть ударов.

В шесть часов – начало развода. Выходит, что он опоздал? Малахов вскочил, как взведенная боевая пружина бойка ударника. Но тогда, на его счастье, часы показывали только пять.

Потом он к ней еще заходил и не один раз. Аннет призналась ему, что давно приглядывалась к нему, но не знала, как ей подойти. Помог случай. Его Величество Случай. Не сама же специально, в конце же концов, сорвала Аннет головку крану? Или все ж она сломала сама?..

– А как вы с ней объяснялись? – послышался каверзный вопросик.

– Я, – Жека прищурился, – в общем-то, неплохо шпыхаю. И не только, как говорится, в пределах школьной программы.

– А как же те, что не шпыхали? – подкинули в топку уголька.

– А кто и как, – усмехнувшись, подполковник пожал плечами. – Были такие, что ни слова не понимали. В магазине, чтобы взять полкило колбасы, сперва заказывали килограмм продукта. Килограмм, он, что по-нашему, что по-немецки, звучит на слух одинаково...

Вояки заинтересованно замерли:

– И что они делали с этим килограммом?

– Они? Они просили, показывая рукой, ополовинить слишком для них длинную колбаску. Сделать ровно в два раза ее короче...

В толпе усомнились в правдивости всего его рассказа:

– Шутите, товарищ подполковник? Сами все придумали?

– Нет, все на полном серьезе. Сам и собственными глазами картину в магазине наблюдал. Хохма была и с выбором лифчиков. Клиенты из наших тыкали пальцем в женщин со сходными размерами. Шли двое наших вояк по Потсдаму. Нет, не местные. Они из соседнего городка приехали. Идут и по сторонам все оглядываются. Но хочется им так, что уже и мочи терпеть нету. А им подробно объяснили, где тут, в городе, немецких «бабочек» ловить – на лестнице напротив торгового центра. Вот они туда вполне благополучно на трамвайчике добрались, вышли из вагончика. Прошлись быстренько туда-сюда. Встали парни, огляделись вокруг, взглядом приценились. Идет навстречу фрау одна – ну, глаз от нее не отвести. Одета... как с иголки. По всем параметрам подходит под описания истинных знатоков. Один вразвалку подваливает к ней и, набравшись наглости, предлагает: «Фрау, фи... фи...?».

– Как-как?

– Предложение к этому самому по-немецки. А та вся покраснела, побледнела, яростно зашипела: «Ты что, козел драный, меня... захотел? С какой части, урод? Сейчас я комендантский патруль вызову!». Парни пулей дернули обратно. Говорят, что их никаким калачом в Потсдам не заманить было. Объезжали ребятки его десятой дорогой.

– А на кого они нарвались?

– На жену какого-то начальника. Я подозреваю, что это была жена нашего начальника политотдела. Любила она вызывающе наряжаться. Под сорок лет стукнуло бабе, а с виду и тридцати не дашь. Холеная штучка была. Многие на нее поглядывали и облизывались.

Вполне резонно прозвучал и еще один весьма насущный вопрос:

– А наши бабы там гуляли?

– Гуляли. Правда, наши бабы с немцами старались не связываться. Выгоняли из Группы. Двадцать четыре часа на сборы и в Союз...

Пытливый молодой глаз прищурился:

– Только ее одну?

– Нет, зачем же? На пару с мужем. Чтобы вовремя свою половину воспитывал. У нас и холостяков хватало. Многие любительницы острых ощущений при желании и солдатами не брезговали...

Поведал Жека, что частенько к ним из Союза артисты приезжали. Любила их братия по загранице со сборными концертами разъезжать.

До него было, и за достоверность он не ручается. Жена его друга ему по настроению рассказала. Приехали к ним в гарнизон Миронов, Боярский, еще из их братии меньше по рангу, чуть менее известные.

Выступили они в полковом клубе. Все довольны. Бабе их, что попроворнее, с тыльной стороны клуба пробралось, прикикло ушами к двери той комнаты, что на время стала примерной, и слушает, о чем кумиры между собой поговаривают. Раздается непередаваемый и всеми узнаваемый хрипловатый голос Боярского: «Как вам местное бабе?».

А Андрюшка, весь покатываясь от смешка, отвечает, что он ничего привлекательного не узрел, но если принять на грудь водочки, а затем затащить в постель местную красавицу, накинуть ей на постное личико ее платочек, то сойдет вполне за неимением ничего лучшего.

До души возмущенные и оскорбленные бабы чуть не выломали двери. Начальник клуба бдительно стоял на страже именитых гостей...

VI

...Оксана открыла глаза. В комнате посветлело. Она столь крепко уснула, что не слышала, как сосед собрался и ушел на службу. Все-таки странный он тип. С виду грубый, колючий. Но на деле старается своим присутствием причинить ей как можно меньше неудобств.

И она не уверена, что будь утречком на его месте женщина, то та стала бы вести себя столь же аккуратно. Ходила бы, стучала все утро дверями. Все, баста о нем. Не хватает еще, чтобы все свое свободное время думать об не просыхающей пьяни, мало что не подзаборной.

Собралась и вышла Сана на охоту, обошла один военный городок, следом второй. Она скрупулезно помечала на схеме въездные-выездные ворота, места расположения КПП и тыльных ворот автопарков.

А особо пристальное внимание Сана обратила на существующий порядок организации охраны складских помещений, на состояние ограждения. Все подмеченное тщательно она у себя зафиксировала.

Оно ей потом пригодится при составлении рапорта. Насколько она понимала, именно в том состоял весь смысл негласной проверки.

Следует ей найти, обнаружить возможные лазейки, пути, подходы, предпосылки для хищений. Если в охраняемом заборе из колючей проволоки зияет дыра, а к ней уже протоптана не зарастающая летом тропа, а в глубоком снегу пробита и проторена широкая дорожка...

С тыльной стороны автомобильного парка 45-ой аэромобильной бригады торчал замызганный боец, семафорил несуразным видом.

Увидев рядом с собой проходящую мимо него молодую, красивую женщину, воин расцвел в дурашливой улыбке, его масляные глазки со всем возможным бесстыдством пробежались по стройной фигурке.

В от мороженной головушке солдатики сразу же возникли шальные мысли. Захотелось бойцу женской ласки и тепла. Он заплатит...

Денег у него нынче навалом. А может быть, ей сойдет за плату и то, чем он в данный момент располагает? В вещмешке, что висел у него за плечами, таились парочка толковых пашек, несколько взрывпакетов, три сигнальные ракеты. Очень даже, на его взгляд, ходовой товар.

– Девушка, а, девушка! А можно с вами познакомиться? – боец вытянул шею и, чуть ли не суча ножками, весь посунулся вперед.

– Ты мне? – капитан тормознула и, прищурившись, посмотрела на «ходячую», но покамест стоящую на месте «военную угрозу».

– Тебе, тебе! – часто-часто закивал, видать, по всей своей жизни моральный урод. – Хочешь пройти со мной? Я тебе заплачу!

– Ты? – она удивленно приподняла бровь. – Заплатишь?

Вмиг ей стало интересно. И чем собирается расплачиваться с ней этот Аника-воин? Что он упер из своей части? Чем черт не шутит, а вдруг он предложит ей предметы из военного имущества?

– И чем будешь платить? Мылом, трусами или портянками? – ее плечики затряслись в вызывающе издевательском смехе.

– Мы тряпками не торгуем. У нас товар покруче! – боец сунул руку в карман и вытащил взрывпакет. – На рыбалку вещь что надо!

– Фуфло одно! – Оксана разочарованно качнула головой. – Я этим, блин, не интересуюсь. Извини, дружок, не сошлись в цене.

Часто дыша, солдатик засуетился, роясь во внутреннем кармане и вытаскивая тощую пачку замусоленных купюр, затряс ею:

– Ты не спеши. Хочешь, я с тобой деньгами расплачусь! Сколько? Мы, – он гордо вскинул подбородок, – за ценой не постоим...

Оксана моргнула. Мир окончательно сошел с ума. Среди бела дня боец клеится к незнакомой женщине и бесцеремонно пытается ее снять. Или в их городке так принято? Или же она сама пришла туда, куда именно гуляющие женщины и ходят? Скорее, второе...

– Ха-ха! – капитан презрительно подвигала губками. – У тебя не хватит. К тому же, я беру одними баксами...

– Глянь-ка сюда! На вокзале обменник работает. Сходишь и сама поменяешь! – проворная пятерня вытащила пачку потолкаше.

Капитан прищурилась. Резонно, обменять по курсу – дело плевое.

– У тебя не хватает, – оценив на глаз всю сумму, Полищук, играя заинтересованность, прикинула на пальчиках, оттолкнула его руку. – Когда подзаработаешь и поменяешь, тогда и будем с тобой говорить.

Огорченный тем, что у него сорвалось, боец не терял надежды. Слишком уж понравилась ему эффектная бабенка, дорогушая баба, но, видать, стоит того. А потому он, шмыгнув носом, важно заявил:

– Лады, договорились. Через день, часиков в двенадцать. Сойдет?

– Посмотрим, – уклончиво ответила Сана, не обрубая разом концы. – До того дня дожить еще надо. Бывай, родимый, не болей...

Полищук, окинув взглядом настойчивого солдатики, продолжила путь, стараясь быстрее отойти от того места. Кто знает, что еще на уме у предприимчивого бойца, столь охочего до женских прелестей?

Видно, воин приторговывает боеприпасами, украденными со склада вооружения или добытыми каким другим путем. Подозрительно все...

Бравый же боец остался и проводил понравившуюся ему женщину долгим взглядом. Такой крале он запросто отдался бы. За любые деньги. За ценой он не постоял бы. А подруга не назвала ее. Еще заломит как при следующей встрече. Но деньги-то у него есть. На все хватит...

Как же все-таки они чудно организовали дело с дружкой Серегой. А как оно у них чудно начиналось...

...В начале зимы два закадычных дружка, Серега Ковтун и Леха Черных, шли по занесенному снегом городку и живо рассуждали о своей бедной и разнесчастной судьбе. Денег, присылаемых из отчего дома, ни на что толком не хватало. А то, что им выдавали, эти жалкие крохи у них отбирали старослужащие и старшина роты.

А страсть как хотелось им зайти и выпить молодого вина, посидеть рядом с красивыми девушками, пойти и потанцевать с ними. Но без бабла, кому они, нищие, спрашивается, нужны?

– Знаешь, Леха, я вчера стоял на третьем посту, подъехала машина, не скажу, чтобы сильно шикарная, но не наша.

– И что, Серега, к чему весь базар? – Черных недовольно повел головой. – Ко мне тоже подъезжали. Темно-красная «БМВ».

– Ну, точно была «БМВ», – напрягся и вспомнил Ковтун.

– Ну и? – Леха презрительно сдвинул верхнюю губу. – Постояли они малек, посмотрели на тебя, убогого, и все дружно посмеялись над тобой? Или адресок тебе оставили свой и в гости к себе пригласили?

– Ты не поверишь, но так и было. Адрес оставили и в гости к себе звали... – на простодушном лице дружка проступила растерянность.

– А ты им в ответ? – словно невзначай спросил Черных, а сам замер в волнительном ожидании. – Чего ответил им?

Подумалось ему, что это и есть тот случай, про который столько раз говорили промеж собой и мечтали они. Фарт явил им свое лицо.

– Сказал, что зайду...

– А чего не зайдешь? – Леха хищно прищурился.

– Страшно идти одному. Решил с тобой посоветоваться...

Недолго раздумывая, друзья пошли вместе. Вдвоем-то веселее и не сильно боязно. Может, и второму гостю будут рады. Приглашали-то их поодиночке. Пришли они, постучались. Ничего, приняли их нормально, обрадовались даже тому, что Сергей пришел не один, а привел с собой друга. Тут же усадили их за стол.

Кеша – так звали того парня, что дал адресок, – оказался веселым малым. Шутил, травил байки. Девчонки, раскрыв уши, его слушали, то и дело смеялись. Времечко летело. И не заметили, как подошла пора возвращаться. Договорились, что при возможности они придут еще.

На следующий раз вырваться получилось через неделю. Снова стол, водочка и вино. Кеша извинился, что у него неотложные дела, и ушел, оставил их на попечении двух подружек. Светка тут же взяла правление в свои руки, под села к Лехе, а подружку Галку усадила с Сергеем. Друзья вовсе оказались не против расклада оной колоды...

Когда его ладонь, ведомая Светкиной рукой, коснулась горячего девичьего бедра, Леха вздрогнул.

– Леша, пойдем со мной, – горячо шепнула девица и посмотрела на него своими озорными глазами. – Или ты, может, меня боишься?

– Я боюсь тебя? – кровь фонтаном выстрела в нем.

– Ну и... пошли? – она поднялась и протянула ему руку.

Считай год, не прикасался он к женскому телу и с наслаждением водил своими пальцами по молодой упругой коже. Девчонка оказалась опытной, проблем с ней не возникло. Когда он чуть замялся, помогла.

– А ты, Леша, ничего, умеешь, – она дотронулась до его щеки. – Хочешь, чтобы я стала постоянной твоей подружкой?

– Хочу, – парень повернулся к девке и потянулся к ее губам.

Перспектива продолжить отношения приятно кружила голову. Чай, не больной он пока на голову, чтоб отказываться от ладной бабенки.

– Поможешь мне? – девушка посмотрела на него в упор.

Озадаченно крикнув, Черных захлопал глазами:

– Я... тебе... помочь? Чем?

– Не дрейфь, братишка, по мелочи...

Тихо заговорила Света, и Леха вспомнил о том, что бесплатный сыр бывает в мышеловке. За все на их свете надо платить. И за полученные плотские удовольствия в том числе. Хотя, как показалось Лехе, план, что разработал Кеша, выглядел до гениальности просто.

Начальник военного склада и любого другого объекта, когда сдает объект под охрану караулу, оставляет у начальника караула ключи от замков и печать в опечатанном пенале или тубусе, на худой конец, в небольшом мешочке. Начальник караула хранит их у себя в комнате в специальном ящике, который, как правило, никогда не закрывается.

При желании можно ночью потихоньку вытащить нужную связку, когда офицер на минутку выйдет, и взять ее потом с собой на пост. А на морозе им большого труда не составит аккуратно снять затвердевшую печать, не повреждая ее целостности, вытащить ключи, вскрыть склад, вынуть все, что требуется. Потом закрыть и опечатать. Вложить связку в свой тубус или пенал. Вернуть на свое место пластилиновый слепок, предварительно нагрев его и придав ему пластичность.

Никто и никогда ничего не узнает в том случае, если все операции проделает сам часовой, который в это время стоит на посту с помощью кого-то из своих дружков-сообщников.

Сергея трясущимися руками стянул из-под носа начальника караула тубус с ключами от склада вооружения. Леха с ним в кармане заступил на пост. Когда все стихло, из морозной темноты воровато вынырнул Кеша. За его спиной выглядывали дерзкие Светкины глаза.

– Ша, корешки! – выдохнула девка. – Не дрейфь, братишки!

Втроем они проникли в склад. Подсвечивая себе путь фонариком, Кеша забрался вглубь. Он выдвигал ящики, потрошил их содержимое, укладывая товар в принесенные сумки, а затем ставил ящики на место, как и было раньше. Нескоро начальник склада кинется и обнаружит пропажу. Простоят ящики полупустыми до очередной проверки.

Как-то он и Серега залезли на склад вдвоем и набрали разной всячины. И пошла у забора их бойкая торговля. Необычайно ходовым оказался товар! И рыбаки им интересовались, и чабаны...

После обеда Сана немного подкрасилась, приделась, заглянула на местный рынок. Неторопливым шажком проплывая вдоль рядков, она лениво лузгала тыквенные семечки, небрежно сплевывала шелуху, бросала из стороны в сторону полупрезрительные взгляды. Мол, не видит она тут ничего, что могло бы привлечь к себе ее внимания.

Но кое-что крайне для себя интересное девушка заметила. На одном из прилавков рядом со стеариновыми свечками, словно совершенно случайно, примостилась красная сигнальная ракета. Для любителей новогодних и праздничных фейерверков нужная вещица.

Через одного продавца на столе скромно лежала ракета «СХТ» – сигнал химической тревоги. Мало того, что она летит вверх, светит, но еще при всем устрашающе гудит. Два в одном. Можно предупреждать дружков-браконьеров о том, что приближается инспектор.

Мелькнул баловник-взрывпакет, стыдливо припрятав свой хвостик, затесавшись в один ряд с батарейками. Рядом с хозяйственным мылом приткнулась, притулившись одним своим бочком, припрятав отверстие для запала, самая настоящая толовая шашка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.